

КСЕНИЯ САБЕЛЬНИКОВА

ТИШИНА, С КОТОРОЙ Я ЖИВУ

ЧАСТИ 4 - 5.1

P5 PLUS

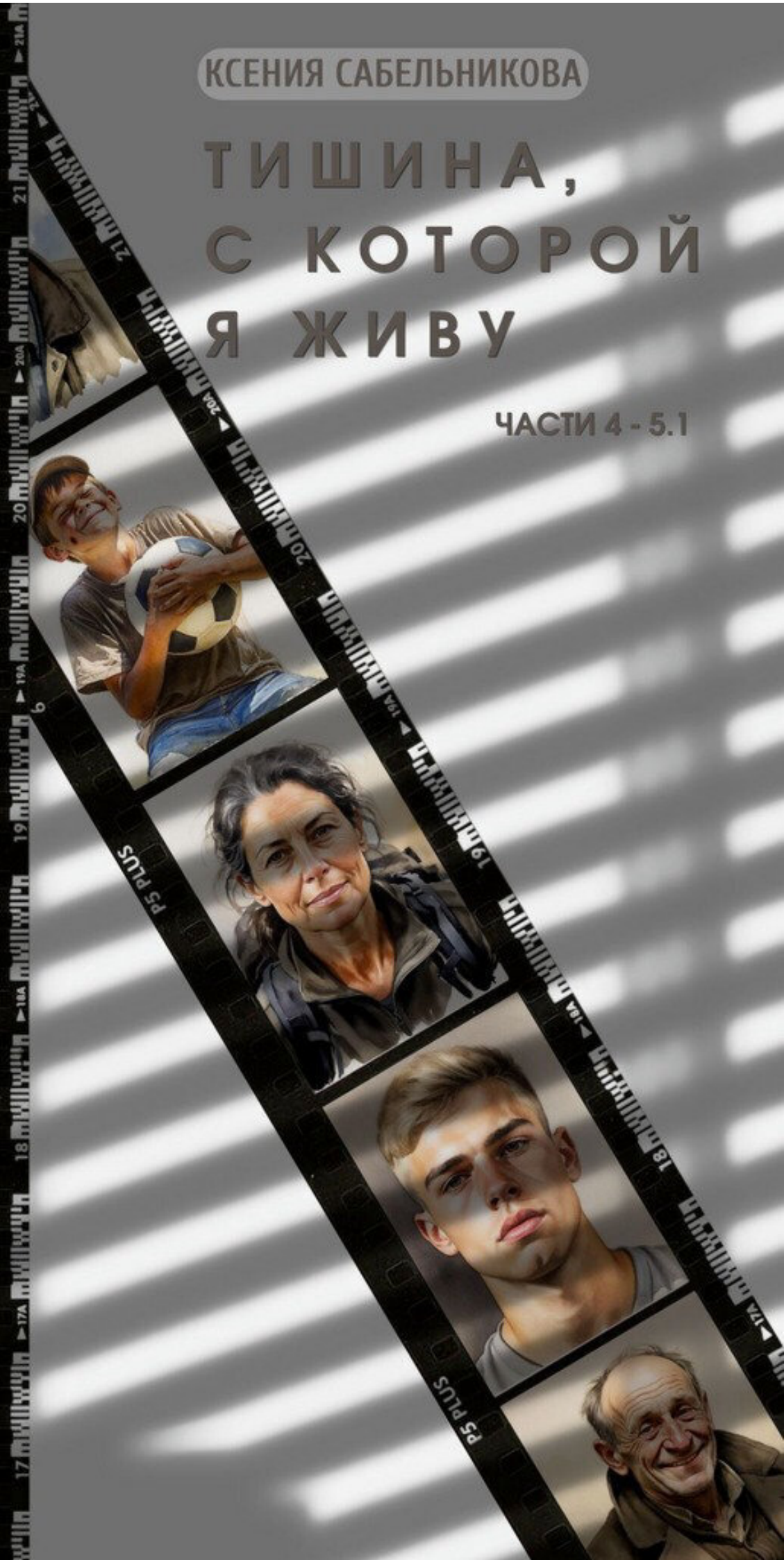
18+

6 3 0 6

P5 PLUS

P5 PLUS

0 6

Ксения Сабельникова

**Тишина, с которой
я живу. Части 4 – 5.2**

«Издательские решения»

Сабельникова К.

Тишина, с которой я живу. Части 4 – 5.2 / К. Сабельникова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-698282-6

В этом городе время идёт по-другому: дети не взрослеют, молодые не старятся, старики не умирают. Здесь Дома живые — болеют и умирают. В Городе не выжить в одиночку, а за Горизонтом рыщут зловещие Тени. Город хранит тайну происхождения своих обитателей, позволяя выживать или губя своей волей, пока несчастный случай не запускает цепь событий и самые отважные не решаются раскрыть секрет Города. Каждая глава — история отдельного персонажа, каждая глава — это новый клубок вопросов и ответов.

ISBN 978-5-00-698282-6

© Сабельникова К.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	47
-----------------------------------	----

Тишина, с которой я живу

Части 4 – 5.2

Ксения Сабельникова

© Ксения Сабельникова, 2026

ISBN 978-5-0069-8282-6 (т. 3)

ISBN 978-5-0069-8275-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– На чердак ведут двенадцать ступеней. Я считал. Столько же, сколько и месяцев в году. Я сначала любил перепрыгивать через пару ступеней, а потом, когда подвернул ногу, понял, что нельзя перескочить из февраля в май или из июня в ноябрь. Когда поднимаешься по ступеням на чердак, то словно путешествуешь во времени назад. Декабрь, ноябрь, октябрь... Ведь чердак – это своего рода хранилище прошлого.

Я сегодня сам впервые спустился по лестнице. Ну, после того, как подвернул ногу. Ну, только это... Я, наверное, сам не поднимусь. Вы мне поможете?

Если я вам мешаю, то вы скажите. Я ведь всё понимаю. Взрослым часто бывает скучно с детьми, да и детям, если честно, со взрослыми не так уж весело. Мир такой огромный, а вы всё время концентрируетесь на каких-то деталях, которые как будто важнее, но на самом деле бессмысленны. Да и потом, мучить себя из-за банальной вежливости... к чему?

Сегодня ночь такая замечательная, и настроение у меня отличное, так что я посижу тут немного. Но вы, если что, говорите. Нет, вы не думайте, я, конечно, и обидеться могу. Но я отходчивый.

А мы пойдём ещё раз в город? Мы ведь только один раз ходили, а там столько всего интересного! Но мне повезло больше всех. Знаете, почему? Потому что я пошёл с Пожарным! Все ребята хотели пойти с ним, а пошёл я. Это было летом, было солнечно. Хотя не помню точно, может, потом накрапывал дождь... Да неважно! Сначала Пожарный повёл меня на озеро. Оно такое большое, спокойное. Мне оно потом всегда представлялось круглым, не идеально круглым, а таким вытянуто-круглым. Ну, овальным, да. Но с такой идеальной овальной формой. Я теперь его всегда таким рисую. Мы гуляли вдоль озера, и Пожарный рассказывал разные истории: про русалок и этих... водяных. Мы, конечно, не плавали, потому что плавать я не умею, но Пожарный разрешил мне помочить ноги. Мы сняли ботинки и носки и бегали вдоль берега в воде. Сначала было не очень, потому что дно какое-то скользкое, и ещё там тина и водоросли, а потом ничего. Когда в Дом вернулся, мои ноги так и пахли озёрной водой.

Потом Пожарный показал мне дома. Есть высокие, высоченные, выше любого дерева в лесу, представляете? А есть небольшие. Я вот думаю, если взобраться на крышу самого высокого дома, то, наверное, можно коснуться облаков. А вы не лазали? Нет? Ну, конечно, нет. Вы всё по земле ходите, под ноги смотрите, а самое-то интересное вон там, выше! Обещайте, что слезаете. Я, когда буду жить в городе, первым делом залезу на самый верх самого высокого здания и попробую потрогать облака. Я почему-то не думаю, что они такие же мягкие, как вата, но они должны быть нежными... как пёрышко. Но вот жить бы в высоком здании я не стал. Мне, вообще, понравились маленькие дома, одноэтажные. В них как будто ничего лишнего. Вот большой дом... Он же большой, ну, то есть огромный! И человек по сравнению с таким домом букашка. И это как будто бы не твой дом, будто это дом разрешает тебе в нём пожить. Но это ведь смешно, да? А маленький домик – это твой. Огромный дом самому не построить, а маленький можно. Я, конечно, не умею строить дома, я и маленький-то не построю... Из песка разве что. Ну, с формочками вместе с Тихой.

У меня в доме будет комната, где будут только одни игрушки и всякие прикольные штуки типа велосипеда и самоката. И я буду играть там каждый день. И ко мне буду приходить ребята, и мы тоже будем играть каждый день. Я не жадный. Главное, чтоб не сломали ничего. Ну, или починили, если ломают. И не утащили с собой. Нет, конечно, если какая-то игрушка очень понравится, я могу подарить, но это же всё-таки моё...

Ещё у меня будет комната, где будет много сладостей. Я люблю шоколадные конфеты и такие карамельки, цветные, знаете? О, ещё я люблю такие мягкие леденцы, которые можно почти сразу раскусить, а внутри кисловатый сок. Лимона, например. Вот всего такого у меня будет целая комната! И когда мы будем играть, мы будем приходить в эту комнату и есть конфеты. Нет, не так. Я их буду выдавать, как главный по конфетам. Генерал конфет!

Ещё я бы хотел, чтобы у меня была комната, залитая водой. Но это, наверное, не очень практично, да? Ну, во-первых, зимой там не поплаваешь, а, во-вторых, Пожарный сказал, когда мы гуляли у озера, что стоячая вода начинает дурно пахнуть, и в ней заводятся всякие мерзкие бактерии. А я не хочу, чтобы у меня появилось что-то мерзкое.

Ну, и комната, чтобы поспать. Вот и всё. Четыре комнаты. Это же немного, да?

А знаете, что у меня будет во дворе? Есть домики вообще без дворов, а есть с маленькими садиками. Но у меня будут карусели, качели, горка и шведская стенка, чтобы мы с ребятами могли лазать, если нам станет скучно играть внутри.

Вот у нас в Доме, например, есть футбольное поле, ещё можно лазать, песочница есть и качели... В Доме можно даже играть в прятки, хоть Ведьма этого и не одобряет. А на площадке перед входом можно гонять на велике, соревнуясь, кто быстрее намотает десяток кругов. А зимой мы с Пожарным лепили горку и снеговиков. Я особенно любил снеговиков, потому что потом мы выбирали самого лучшего, и в один год я даже победил! Представляете? Я лепил не просто снеговика, а снеговика-дракона! Пожарный нам тогда перед отбоем читал сказки, и там была одна про дракона. Вы знаете сказки про драконов? Ну, хоть одну? Драконы обычно злые, дышат огнём, крадут принцесс и бьются с рыцарями. А там была другая сказка, и дракон в ней был другой. Там вообще всё было про дракона: и как он жил, и как спал, и что ел, и чем занимался. Думаете, он воровал принцесс себе на обед? Это был такой добрый дракон. Он даже работал! Ни за что не догадаетесь, где. На кузне. Он своим огнём помогал. И его все любили, а потом пришли враги... Ну, ладно, сами потом прочитаете, я не так интересно рассказываю, как в книжке написано. А в книжке этой такие яркие картинки, как живые! И дракон там такой смешной и добрый. Обязательно посмотрите. Мне так эта сказка понравилась, что я и решил своего снеговика сделать таким. Вообще-то, я переживал, что другие тоже дракона сделают, поэтому я делал своего за деревьями, чтоб не видно было. Я ещё потом одолжил у Тихой формочки, ну, с которыми она в песочнице любит играть, и их использовал. Напихал в них снега и прилепил к туловищу. Там цветочки всякие были, листочки... Ну, девчачье, в общем. Но я подумал, что раз дракон хороший и никого не убивает, то почему бы и нет? Крылья, конечно, у него так и не получились. Ну, получились, конечно, но не так, как я хотел. Я представлял их огромными, как пододеяльники, чтоб они красиво вздымались, а они лежали на земле. Но, в общем, тоже ничего... Но главное, что я победил. И Пожарный в качестве приза позволил мне съесть три шарика мороженого. Зимой! Полшарика я дал Тихой, потому что это всё-таки её формочки. Не её, конечно, они общие, но она постоянно с ними играет. Полшарика я дал Буйному, потому что он мой друг. Себе я оставил полтора. Ещё полшарика я дал Светлой. А что? Она попросила. От неё всегда вкусно пахнет.

А потом мы перестали лепить снеговиков... Потому что Ведьма не знает наших традиций, так что я сам иногда леплю что-то, но так, без особого энтузиазма. Вы не думайте, я ведь сказал ей «давайте лепить снеговиков». Я весь год снега ждал, чтоб навалило достаточно. А она сказала «лепите». Ну, и всё на том. Грустно, конечно, я мог ещё мороженого зимой получить, может быть, даже не три шарика, а целых шесть!

Жалко, конечно, что Пожарный ушёл. С ним было весело. Нет, с Ведьмой тоже весело. Бывает. Но иногда. Она строже, всё время суетится что-то, как курица-наседка. Это я в шутку, если что. Ведьма хорошая, я её обижать не стану, просто можно же быть не такой серьёзной время от времени. Или все взрослые такие? Все? *А я таким не буду. Я буду взрослым ребёнком.* Я, например, смогу ходить, куда хочу. К озеру, например. Или в кафе, где Пожарный угостил меня чаем с мятой и вкусным куском шоколадно-грецкого торта. А куда не хочу ходить, туда ходить не буду. И никто меня не заставит. Я вот зубы не люблю чистить, а Ведьма заставляет. Стоишь в этой ванной, трёшь, трёшь свои зубы, а белее они не становятся. Ещё и сыро в этой ванной постоянно. Но это мы сами виноваты. Парни как начнут водой плескаться, так не остановишь. Ещё и полотенца подключат, кто кого ударит. Носятся по всей ванной, в кабинках душевых, туалетах прячутся, на подоконник с криками запрыгивают. Как тут стоять, зубы чистить-то? Я тоже с ними. И в пиратов мы с ними играем. На абордаж! Ой, я громко сейчас? Надеюсь, не разбудил никого. Я из ванной часто позже всех уйду. Как капитан со своего корабля. Да нет, на самом деле я просто люблю корчить себе рожицы в зеркале. Смотрите, как могу! Или так. И ещё вот так. А вот вы можете? Ну, попробуйте! Скучный. Ладно, не скучный, просто взрослый.

А вы были у нас в подвале? Можете не отвечать, если не хотите. Но если не хотите отвечать, то наверняка были. Я сам так делаю: молчу, когда не хочу признаваться. А ведь просто так

никто не молчит. Значит, скрывают что-то: правду или друга. Ну, или что-то ещё. Да ладно... Хотите, я вам по секрету расскажу? Только вам, потому что другие не поверят. Я Буйному говорил, а он мне не поверил. Не поверил, потому что забыл. Так хотите? В общем... Был я в этом подвале. Не верите? А я докажу! Тощий вот говорит, что подвал ведёт в подземное царство. А почему он так говорит? Мальчишки говорят, что он так мелких запугивает. Но это не так. Может, Тощий и сам не помнит, почему, а я помню. Странно, что никто не помнит, только я... Может, потому что я часто об этом думаю? Если часто о чём-то думать, то мысль может раствориться. Это как в каплю краски добавлять по капле воды. В конце концов воды станет так много, что от краски не останется никакого цвета... Ой, я отвлёкся. Вот вам доказательство: подвал, правда, куда-то ведёт, но куда, я, увы, не знаю. Мы так далеко не ходили. Но подвал – это начало туннеля. Или конец. Это как посмотреть. Можете, кстати, спуститься и посмотреть. Думаю, его поэтому Пожарный и запер, чтоб мы не убежали никуда... А ещё я помню, что там были мерцающие стены. Как соль в пещерах, знаете?

Хотите знать, когда я спускался в этот подвал? *Когда вас тут ещё не было.* Вас – это взрослых то есть. А что вы так на меня смотрите? Думаете, что взрослые были всегда? Смешной вы! Нет, конечно. Мы без вас очень даже неплохо жили в этом Доме. Нам даже покидать его не хотелось. Никакого подъёма в восемь-тридцать и отбоя в десять, никакого обеда по расписанию и чистки зубов. Играй да веселись. А что мы ели? А ничего не ели. Нам и не хотелось есть тогда. Это потом всё как-то... изменилось. Но сейчас тоже неплохо, правда. Но иногда мне кажется, что тогда было лучше. Но это все всегда так думают, что раньше было лучше. Потому что теперь есть с чем сравнивать это «раньше».

А вы ко всем детям в Доме одинаково относитесь? Я вот нет. Поэтому иногда я думаю, что плохой. Вот взять хотя бы Тощего. Иногда он ведёт себя так, будто знает что-то секретное, чего никто не знает, но на самом деле это *он так играет*. Наверное, потому что не знает, как в свои игры завлечь по-другому. А вообще, он трусоват. Мы с ним спим в одной комнате, и иногда он пугается всякого шороха. Ну, ветер там чем-то стучит или ещё что... Нет, он может быть бесстрашным, но только первые минут десять.

А вы любите осень? Я вот люблю, я вот рад, что теперь немного холодно и сыро. Многие не любят, потому что всё вокруг увядает, чахнет. Но это не так. За осенью непременно будет зима, а потом весна и, конечно, новое лето. Ведь не бывало так, чтобы после осени не шло ничего. Хотя, может быть, осень – это всё-таки своего рода и смерть. *Страх перед смертью заставляет нас становиться живее живых.* Может, природа чувствует, знает, что она того... Поэтому и выжимает из себя последние яркие краски, последние солнечные дни, а когда их не остаётся, наступает тишина. Приходит зима... А вообще, я думаю... Только не судите, но я думаю, что *я никогда не умру*, потому что смерти не существует. Смерти не существует, пока в неё не веришь. Вот допустим, мы все знаем, что молоко, которое мы пьём, нам дают коровы. Мы это знаем, потому что нам так сказали, и мы в это поверили. Но вы сами-то видели, как коровы дают молоко? И я нет. Но мы ведь в это верим. А если бы мне об этом не сказали, я бы, может, думал, что молоко берётся из озера. Вот так и со смертью. Кто-то сказал, что она есть, и все поверили. То есть она-то, может, и есть, только я отказываюсь в неё верить.

Я помню про Водорослю. Но для меня он просто исчез.

Можно, я ещё чуть-чуть посижу? Чуть-чуть?

Когда я вырасту, у меня будет много друзей. И мы каждый день будем ходить друг к другу в гости, и нам никогда не будет скучно. Мы будем придумывать новые игры и играть в старые. Я люблю придумывать.

А у вас есть друзья? Много?

Говорят, что у взрослых мало друзей. Это странно. Как будто, когда вырастешь, ты только всё теряешь. Зачем тогда взрослеть?

Но когда я вырасту, я буду приходить к вам в гости. Хотите? А вы далеко живёте? Мы с вами тоже будем играть. Во что захотите. Вам что больше нравится? Нет, в шахматы я не умею. Но я расставляю солдатиков на шахматной доске и устраиваю между ними баталии, мы так с Буйным играем. Солдатиков иногда не хватает, и приходится брать что есть: зубные щётки там, скрепки или девчачьи куклы.

Буйный будет жить рядом со мной. Мы уже договорились. Он, конечно, хотел бы себе дом повыше... Но ведь можно же, чтобы высокий дом стоял рядом с невысоким? Да? Вот здорово!

И когда я вырасту... А долго ещё расти? Иногда мне кажется, что в городе куда интереснее, чем тут, а потом я думаю, что нигде не может быть интереснее, чем здесь. Как думаете?

Ещё я хочу научиться чему-то такому, в чём я буду лучше всех. Сейчас я всякое пробую, по-всякому получается. Но ведь когда ты взрослый, обязательно же есть что-то, в чём ты лучше других. И когда я вырасту...

Рыбак смотрит на меня, устало вздыхает и говорит:

– Тебе уже никогда не вырасти.

• **Power House feat. Christian Reindl & Lucie Paradis – Balder¹**

¹ • – тут и далее музыкальная композиция

Мы принадлежим городу. Наша жизнь не принадлежит нам. То, что, как нам кажется, принадлежит нам, на самом деле принадлежит городу. И наша любовь, и наша боль.

• Ева Барац – Не плачь

Есть люди, ради которых ты готов умереть. А есть те, ради которых ты готов жить. Наверное, я осталась жива только потому, что *он* есть у меня. Я хотела умереть. И он, наверное, тоже. Мы не говорим об этом. Но *он* – причина, по которой я живу. Пожалуй, это в очень челове-

ской природе – чувствовать любовь, когда делают больно, и чувствовать себя в высшей степени живым, когда умираешь.

Моя жизнь поделена на до и после. Мы все знали, что Кислый умрёт. Рано или поздно – это звучит грубо и бесчеловечно, как и сам город. Но это, правда, был лишь вопрос времени. Но к смерти близкого человека подготовиться нельзя, даже если знаешь, что он умирает, потому что вместе с ним в тебе умирает часть души. Можно пережить утрату ключей, дома, но утрату себя пережить невозможно.

• Обстоятельства – Радио «Ретро»

Похороны Кислого выпадают на мартовское утро. Первое мартовское утро, когда солнце чуть греет воздух, когда едва ощутимо приближение весны. Город врёт. Весны не будет. Идёт мелкий снег, почти незаметный. Я иду в колонне в первом ряду, прямо за гробом. Рядом идёт Смог. Я смотрю на гроб, будто это он ведёт всех нас куда-то, и мы безмолвно следуем за ним. Гроб может привести только к могиле, и мы послушно движемся туда.

Художник не даёт нам попасть на кладбище. Я не способна возражать или сопротивляться. На меня будто надели тяжёлую шубу: она оберегает от того, что снаружи, но в ней так тяжело, что её хочется скинуть.

Потом мы идём к Жабе. Аквармарин вскоре уходит, я замечаю его уход, и, может быть, я бы хотела поддержать его, но у меня нет сил. Если есть источник боли, то мы *с ним* хлебаем из него сполна.

Мне становится душно от количества людей, от количества разговоров. Белый шум в голове, на фоне которого бегут мои мысли. Я отхожу в соседнюю квартиру, которая оказывается не запертой, сажусь на пол и прислоняюсь головой к стене. Хорошо слышны некоторые звуки и отдельные их слова. Меня и их отделяет всего лишь бетонная стена. Наверное, так теперь будет всегда: я буду как бы около жизни, буду отгорожена от неё стеной, звуки и события будут доходить до меня, но никогда по-настоящему не касаться.

В комнате меня находит Пламя.

– Я тебя потеряла, – говорит она обеспокоенно. – Ты хочешь побыть одна, или мне лучше остаться?

Обычно, когда мы делаем выбор, мы совершаем его, исходя из наших представлений о лучших последствиях, но иногда выбор не меняет ничего. И тогда сделать его становится невыносимо трудно.

Я ничего не отвечаю Пламя.

Она подходит ко мне и садится рядом, берёт мои руки в свои. Я кладу голову ей на плечо.

Есть люди, которые менее восприимчивы к разного рода событиям. Иногда мне кажется, что *нет ничего, что способно сломить Пламя*. Её имя подходит ей. Она горит, горит изнутри, в ней мощный заряд энергии, она таран, который видит цель и не видит препятствий. А я Ёлка, и меня можно просто срубить.

Пламя и Пепел провожают меня до дома, до самой моей квартиры. Я закрываю за собой дверь и не могу пошевелиться. Этого пола когда-то касались его босые ступни. Он не просто ходил тут, он танцевал здесь, со мной, для меня. А вот пианино, где мы разучивали одну-единственную мелодию. Я подхожу к инструменту, и моя рука тянется к крышке. Я не могу коснуться её. Не могу. Под крышкой музыка, целая жизнь с буйством красок, а я даже не могу к ней прикоснуться.

Вот кровать, на которой он умер. Почти круглой формы, с серым постельным бельём. На нём его и не стало. Я не могу смотреть на неё прямо. На эту кровать, будто там всё ещё обитает смерть, смотрит на меня, следит за моими движениями, и у меня внутри от её взгляда какое-то лёгкое оцепенение. Будто если посмотреть на кровать, то я снова столкнусь со смертью, а это тяжело.

Кислый говорил, что смерть не имеет отношения к живым. Пока ты жив, ты живёшь, а когда умер, то и не осознаёшь этого. Ещё он рассказывал легенду о двух ангелах: ангеле смерти и ангеле жизни. Многие полагают, что в конце пути нас встречает ангел смерти, но, согласно этой легенде, это не так. В конце нас ждёт ангел жизни, он дарует нам свой поцелуй и уводит в вечность. А при нашем рождении нас встречает ангел смерти, и его поцелуй обрекает нас быть смертными. Это очень противоречивая легенда, с большим количеством вопросов к ней. И я не думаю, что Кислый действительно верил в неё.

Рядом с кроватью стоит глубокая тарелка, пустая, с суповой ложкой. Я кормила его супом в последний раз. Рядом стоит кружка. Из неё Кислый пил «чай». Он попросил заварить ему чай, и я подала его, но он сказал, что чай слишком крепкий. Тогда я разбавила его и снова подала, но он снова сказал, что крепкий. Я разбавила ещё. И ещё. И снова. И так я разбавляла до тех пор, пока чай цветом не стал походить на воду. И Кислый выпил свой последний «чай».

Я знала, что смерть держит его уже за руку, когда он сказал, что летают белые мухи. Я подумала, что он про снег, но на улице ничего не было. Он сказал, что они в квартире. Тогда я залезла к нему на кровать, прижалась к нему и стала гладить его по голове. А к утру его не стало.

Мой дом теперь пропитан скорбью. Скорбь сочится сквозь стены, дымом клубится у моих ног, оседает на мебель как пыль, попадает мне в лёгкие... Мне невыносимо дома, но только дома я будто всё ещё нахожусь рядом с ним. Я боюсь потерять его, забыть, ведь время беспощадно, и каждую ночь перед сном я вспоминаю наши с ним моменты, они смешиваются с фантазией, и я не могу уже утверждать, что всё это было именно так, как я помню. Но я всё время вспоминаю его лицо, его глаза, его улыбку, его руки, его татуировки. Я боюсь забыть его, потому что мне кажется, что он будет жить, только если я помню его. И я помню его.

Сплю я теперь на диване. К кровати не приближаюсь. Ни посмотреть, ни сесть на неё не могу. Каждую ночь перед сном я вкладываю правую руку в левую или кладу одну руку себе на живот. Это происходит само, но, наверное, так моё подсознание пытается обмануть меня: будто это он держит меня за руку, будто это он обнимает меня во сне.

Но время идёт, а лучше мне не становится. Я вижу его в своих снах. Будто он вернулся к жизни и теперь, здоровый, снова с нами. Но даже во сне я понимаю, что это ненормально, но не потому, что он вдруг воскрес и пришёл к нам, а потому, что я знаю, что он умрёт, и я не представляю, как пережить его смерть ещё раз, какой это будет удар для Аква. И во сне я не понимаю, почему, зачем он возвращается бодрый, счастливый, полный жизни...

Ходки спасают слабо. После них крепче спится, но каждый сон – это рулетка. Мне страшно видеть его в снах, но я не хочу, чтобы он из них уходил. Пламя, чтобы поддержать меня, зовёт в свои смены в Детский Дом, чтобы я могла отвлечься. То же делает и Пепел.

Когда я прихожу с Пламя в детский Дом впервые после похорон, я вдруг понимаю, что смотрю на детей с тревожной мыслью, что все они когда-нибудь умрут. И это страшно. И я умру. Но это меня не пугает.

Мы решаем рисовать. Для каждого ребёнка мы подготавливаем альбомные листы. Рыбак выдаёт пустые стеклянные баночки, и дети наперегонки бегут наверх, в ванные комнаты, наполнять их водой. Мы размещаемся в столовой, там большие столы и много пространства. На каждый стол мы кладем по две коробки с красками и кисточки.

– Сначала нужно слегка смочить бумагу, – говорит им Пламя. – Возьмите кисточку, обмакните в воду и проведите по бумаге. А потом можете рисовать акварельными красками.

Дети послушно приступают к заданию.

– А что рисовать? – спрашивает Светлая.

Мы с Пламя переглядываемся. У нас нет заготовленной темы и надо срочно что-то придумать.

– Давайте нарисуем будущее. Какое оно?

Дети принимаются за работу. Пламя протягивает мне лист бумаги:

– Будешь рисовать? – она улыбается.

Моё будущее... Конечно, оно есть, но я совсем его не вижу. Это как смотреть на звёздное небо и не видеть всех этих галактик и чёрных дыр.

– Я буду, – говорит она, усаживаясь поудобнее, – только карандашами, ладно? Нам красок не осталось.

Она вываливает из коробки заточенные цветные карандаши, и они рассыпаются по столу.

Я смотрю на свой пустой лист и силюсь представить будущее. Тяжело вздыхаю. Это как зубрить сложную тему, которую никак не осилить.

Иду на кухню, чтобы приготовить себе кофе. На кухне Пастух нарезает хлеб и сыр.

– Хочешь перекусить? – спрашивает он меня.

– Нет, спасибо, я за кофе.

– Он вон там.

Я ставлю чайник, насыпаю ложку кофе в кружку и жду. Пастух ставит тарелку с бутербродами рядом со мной:

– Может, всё-таки будешь?

Я мотаю головой, дежурно улыбаясь. Он заваривает себе чай и мне кофе. Сидим.

– Это не проходит, – тихо произносит он.

– Что? – поворачиваюсь к нему я.

– Это не проходит.

Я знаю, что он имеет в виду. Он как никто другой может понять меня. И дать совет. Но я не умею просить о помощи.

– Тогда зачем жить дальше?

Он строго смотрит на меня, выпрямляясь.

– Я не думаю... – тут же исправляюсь я. – Просто зачем?

Он снимает очки и потирает переносицу.

– Чтобы помнить. Ты даёшь ему жизнь, пока помнишь.

– А если это разрушает мою?

Он думает. Обхватив чашку с чаем левой рукой.

– Значит, надо выбирать.

У меня на глазах появляются слёзы. Не хочу, чтобы он их видел. Встаю и выхожу в столовую, попутно вытирая глаза. Сажусь к Пламя и смотрю на её рисунок. Она рисует себя и какого-то парня без лица рядом. На рисунке они держатся за руки.

– А почему без лица? – отхлёбываю кофе.

– Потому что я не знаю, кто это будет.

– Куртка у него, как у Лётчика.

Она краснеет.

– Я всё! – громко объявляет Дикий, подскакивает с места и бежит с рисунком ко мне. – Вот, смотрите!

Он кладёт лист и случайно локтем задевает мою кружку, разливая кофе по моему пустому листу и столу.

– Ой, простите! Простите, пожалуйста!

Кажется, все ребята смотрят на нас. Я подхватываю кружку, чтобы она не упала и не разбилась. Пламя подсказывает:

– Я принесу тряпку.

– Ничего страшного, – я успокаиваю мальчика. – Помоги затереть.

Мы вытираем кофе, и я тряпкой пытаюсь впитать жидкость с листа. На листе остаются следы кофе.

– Похоже на туманность Кошачий глаз.

– На что?

– Ну, это в космосе. Как туманность Андромеды, только Кошачий глаз. Я в книжке видел.

– Правда, похоже?

– Ага.

Улыбаюсь. Мой пустой лист вдруг заполнился чем-то. Это уже хорошо.

Мне нравится бывать в Детском Доме среди детей. В детстве будто нет смерти. Смерть – это что-то на взрослом, а жизнь – на детском. Они будто умеют жить, жить по-настоящему, наслаждаясь моментом, чувствуя его. И они учат этому взрослых, которые так нелепо забыли об этом.

Мы читаем с ними сказки по ролям и даже готовим маленькое представление для троих зрителей: Швей, Рыбака и Пастуха. К зрителям присоединяется Художник. И мне даже кажется, что ему наше представление нравится больше всех. В какое-то мгновение я замечаю, что он полностью поглощён действием, будто и сам всё ещё ребёнок. Когда сказка заканчивается и добро неизменно побеждает зло, когда дети вместе со Швейей начинают петь песни, я подхожу к Художнику:

– Я бы хотела попросить тебя...

– Нет, – он обрывает меня.

Его счастливое от нашего детского спектакля лицо тут же возвращается в своё прежнее состояние хмурости, будто взрослость оставляет на нём неизменный отпечаток. Я будто только что вырвала его из приятного пребывания в стране грёз и вернула в суровую реальность. Он меняется молниеносно.

– Я ведь даже не договорила, – меня задевает его резкий ответ, к которому я не была готова, и я едва сдерживаюсь, чтобы не заплакать.

– Я не пушу тебя на кладбище.

– Но...

– Думаешь, ты первая? Аквамарин просил, Жаба просил... Нет, нет и ещё раз нет. Кладбище моё! – он говорит на повышенных тонах, отчего мне приходится вытолкать его в коридор, так как дети уже заинтересованно поглядывают на нас. Он протестует так, словно я пытаюсь отобрать у него любимую игрушку. – Чего тебе там делать? Он труп, лежит в земле, разлагается.

– Я просто хочу его увидеть.

– Он мёртв, его нельзя увидеть.

– Я всё равно приду, – чуть не топаю ногой со злости.

– Да приходи! – он отмахивается. – Я всё равно не пушу.

Я прошу Аква пойти на кладбище со мной. Мне немного страшно, словно я могу потревожить Кислого. Да и Аква может попытаться всё-таки убедить Художника. Его авторитет явно выше моего.

Аква стучится в сторожку. Дверь открывается далеко не сразу, будто проверяя наше терпение.

– Чего? Я вас не звал, – Художник говорит через едва открытую дверь.

– Мы бы хотели... – начинает Аква.

– Нет, я уже сказал это тебе и твоей сестре. Чего непонятливые такие?

– Почему нет, я могу узнать?

– Потому что моё кладбище, и я никого не пускаю.

Весь этот диалог я чувствую себя неловко. Мой старший брат пытается отстоять, защитить меня перед человеком, которому на всё плевать. Чувствую себя маленькой и обделённой миром.

– Нам бы только взглянуть, – говорю я из-за спины Аква.

Строгий взгляд Художника перемещается в мою сторону.

– Там не на что смотреть. С тем же успехом можешь встать у его кровати.

Он будто знает, куда целится.

– Это другое, – возражаю я.

– Почему же?

– Художник, – вступает Аква, но тот его обрывает:

– Я им услугу оказываю, а они ещё торгуются тут. Всё, пошли вон, пошли! Сквозит тут из-за вас, ещё простужусь...

Последние слова он произносит, бурча и закрывая за собой дверь. Аква сходит с единственной каменной ступеньки и берёт меня за локоть.

– Идём, – в его голосе звучит досада.

Но я не двигаюсь с места.

– Ёлка! Ёлка, не мучай себя, идём, он не откроет нам больше.

– Я буду стоять тут, пока он не откроет.

– Тогда ты замёрзнешь и... – он запинается.

Я шмыгаю носом.

– Почему он такой козёл? – я едва сдерживаю слёзы.

– Я не знаю, Ёлка, – он обнимает меня.

Я хлюпаю носом.

Аква провожает меня до дома. Художник прав. Человек становится повсюду, растворяется, а потому неуловим. На самом деле нет разницы: прийти к нему на кладбище или к кровати, на которой он умер. Потому что его уже нет. Потому что смерть превращает человека в предмет: в его любимую чашку, в его пальто с дыркой в правом кармане, в так и не прочитанную книгу с закладкой на начальных страницах, в ботинок с чернильным пятном на носке, в остановившиеся наручные часы... Человек после смерти перестаёт существовать, но продолжает жить в том, что его окружало.

Мне тяжело находиться в моей квартире, здесь слишком много его. Будто теперь это всё принадлежит ему, а не мне. А я, как живой человек, слишком слаба перед монолитностью смерти и уступаю ей.

Я почти не бываю дома теперь. Ночью у Пламя раз в месяц, пару раз дома, но чаще всего я остаюсь в Детском Доме, будто теперь я живу там. Сплю на неудобном диванчике под окном в библиотеке. Пастух приносит мне плед и подушку. Думаю, что Швея тоже в курсе, что я у них ночую, но ничего мне не говорит. Наверное, она жалеет меня. Но жалость не придаёт сил, а только их отбирает.

Так проходит время, и я плыву в его безумном потоке, боясь захлебнуться.

А потом Аква объявляет, что собирается за горизонт. Звучит как шутка, но мой брат редко шутит.

– Ты хочешь оставить меня здесь одну? – дрожащим голосом спрашиваю я.

Конечно, он не думает об этом в таком ключе. Мужчины редко думают об эмоциональной составляющей. Что он там хочет делать, мне плевать, но этот его безумный план звучит как попытка суицида. Он готов оставить меня одну? У меня только и есть в этом городе, что он. И всё. Никого ближе и дороже нет. И вот теперь...

– Я не оставлю тебя одну, – звучит заботливо. Но он не понимает меня.

– Ты уйдёшь, а я останусь одна. Совсем одна! – со злостью толкаю его в грудь, вызывая к его братским чувствам. Пепел останавливает меня.

Никто из отряда не рад такому безрассудному решению. Что ему там делать? Нам нужно сплотиться как можно сильнее, а он бросает нас тут всех, меня.

– Аква, пожалуйста, не уходи, – вцепляюсь в его рукав, а сердце сжимается от неминуемости его принятого решения. – Мне страшно. Мне слишком долго страшно, Аква!

– Ёлка, мне надо.

А как я буду ходить по улицам города, дышать, есть, спать, не зная, что с моим братом? Эта тревога убьёт меня.

– Аква, ты будешь против, – чуть неуверенно говорит Лётчик, – но если ты окончательно решил, то я пойду с тобой.

– Не смей его поддерживать! – злюсь и толкаю Лётчика.

Только не это. Аква почувствует поддержку и бросит нас тут всех. Нет, мы должны убедить его остаться. Но, как назло, Пламя и Пепел тоже решают идти с ним.

Аква оставляет Пепла. Он оставляет меня. Я злюсь на него и не разговариваю. Я не хочу его отпустить, но какое моё слово против его?

Аква не понимает, что, оставляя меня, он возвращает меня в те самые жуткие дни, когда смерть Кислого была неизбежной, когда оставалось лишь гадать, в какой момент смерть настигнет его. И теперь я снова должна погрузиться в эту самую тревожность, мариноваться в ней, надеясь, что мой брат вернётся из-за горизонта, о котором ходят самые жуткие слухи, а взамен я должна вести обычный образ жизни, чтобы никто в городе не догадался, что кто-то посягнул на горизонт. А это невыносимо. Невыносимо...

В ночь, когда он уходит, я совсем не сплю. Брожу по квартире, как призрак, как загнанный зверёк. Судорожно начинаю собирать вещи. Я тоже пойду за горизонт, я тоже, я...

Мне не хватает смелости. Рюкзак с вещами так и стоит в коридоре и будто насмехается надо мной. Он знает, что я не такая смелая, как Пламя, и не такая рассудительная, как Аква. Я утыкаюсь лбом в стену и рыдаю от своей беспомощности. Мне хочется уснуть и проснуться, когда он уже вернётся, а до этого только спать.

Я зарываюсь под плед на диване. Вообще, уже не помню, когда в последний раз спала под тёплым одеялом на удобной подушке. Будто это роскошь, которую могут себе позволить лишь те, кто эмоционально не вымотан. А я сейчас словно посреди шторма, бороться с которым не в силах.

Сплю я совсем недолго.

Кто-то звонит в мою дверь, и я тут же подсакиваю с kloкочущим сердцем в груди: с ним что-то случилось.

Открываю дверь. На пороге стоит Смог.

– Ты в порядке? – чуть озадаченно интересуется она.

– Что? – её я совсем не ожидала увидеть у себя на пороге.

– Выглядишь взволнованной. Всё хорошо?

– А! Я... Спала неважно. Что-то случилось?

– Нет, просто... Я нашла вот это, – она протягивает маленькую коробочку с кассетой. – Я разбирала вещи в студии и нашла её. Там ничего такого, просто записи песен, а в конце... В общем, там голос Кислого. Я подумала, может, ты захочешь...

Я осторожно беру кассету. Не знаю, хочу ли я этого. Это как получить письмо с того света. Совсем не вовремя.

– Спасибо, – тихо отвечаю я.

– У тебя есть магнитофон?

– Найду, спасибо.

Я закрываю дверь и снова остаюсь одна. Если я сейчас поставлю кассету, это меня добьёт. Осторожно кладу её на обеденный стол и сажусь обратно на диван. Сажу долго, глядя в одну точку. Мыслей нет. Или их так много, что они образуют одно сплошное полотно.

Я тянусь к тоненькой игле на моём плече и с небольшим усилием, сжав губы, вырываю её из себя. Шиплю от боли. Крошечная капелька крови быстро спускается по руке вниз. Место, откуда я только что вырвала иглу, немного жжёт.

Мне хочется вырвать ещё. Вырвать их все. Не знаю, зачем мне это нужно и что мне это даст. Наверное, ничего. Странно. Почему-то кажется, что физическая боль переносится легче душевной. Я кладу иголку рядом с кассетой. Буду вытаскивать по одной, пока *он* не вернётся.

Да, это по-детски. Но, может быть, я всё ещё ребёнок, который не умеет справляться с реальностью, который живёт в своём выдуманном мире и, если что-то идёт не так, не взрослеет, а попросту теряется.

На следующий день ко мне приходят Пепел и Хрусталь.

– Мы просто зашли убедиться, что с тобой всё хорошо, – говорит Пепел, стоя в дверях. В квартиру я их не пускаю, будто в ней что-то заразное. – У тебя всё в порядке?

Я вздыхаю и многозначительно смотрю на Пепла.

– Да я знаю, что идея дурацкая, – отвечает он на мой немой укор. – Ты думаешь, мы не переживаем?

– Если мы начнём сейчас это ворошить, – говорю я, – станет только хуже.

– Значит, не будем, – подхватывает Хрусталь. – Значит, займёмся чем-то другим.

– Я ничем не хочу заниматься.

– Но если что...

– Да, конечно. Если что, я скажу.

Хрусталь хлопает меня по плечу, а Пепел крепко обнимает.

Странно, трудные времена должны спланивать, а я отдаляюсь. Одной мне легче их переживать. Мне бы со своим состоянием разобраться, а если нужно поддержать кого-то ещё... Да, это жутко эгоистично.

Когда Пепел и Хрусталь уходят, я вынимаю вторую иглу.

Мне теперь боязно идти в Детский Дом и заниматься какой-либо работой. Как я могу работать, есть, спать, когда мой единственный родной человек может нуждаться в моей помощи?

Моей помощи... Как нелепо это звучит. *Что во мне есть такого, что я могла бы дать Аква, чего он не мог бы дать себе сам?* Это он всегда заботится обо мне, оберегает меня, поэтому даже и не предложил пойти с ним, даже когда Пламя решила идти. Да... Я бесполезна. Я не завидую Пламя, но, будь у меня другая особенность, более практичная, я могла бы отправиться с ним и быть полезной в трудную минуту. Нет. Дело не в особенности, дело во мне. Привыкшая быть под *его* крылом, я просто не способна защитить его. Его решения вернее, они выверены, а мои... просты и спонтанны.

Я боюсь, что ожидание его возвращения превратится в рутину, станет фоном моей жизни, с которым я не в состоянии бороться. И мне кажется, что если я займусь какой-то деятельностью, то моя тревожность потеряет фокус, размажется, станет неуловимой, но обволакивающей.

Через сутки ко мне стучится Пастух.

– Швее просит твоей помощи в Детском Доме. Там мальчик заболел, температурит, она едва справляется.

– Да, хорошо, – я даже не даю ему договорить. Я так боялась работы, но вот она сама нашла меня, и я не в силах отказать.

Дождливый серый день. Густые тучи над головой. Дождь то накапывает, то даёт нам передохнуть. Огненный лежит в больничном изоляторе. В комнате и без того темно, так ещё и шторы задёрнуты почти вплотную. Комнатка маленькая. Душно.

Огненный спит, покрытый испариной. На тумбочке рядом – лекарства, графин с водой, стакан, полный наполовину, градусник. Отметка на градуснике зависла где-то между 38,8 и 38,9.

– Он ничего не ел за сегодня, – шепчет мне в ухо Швея. – Так, выпил с утра сладкий чай и всё. И воду хлебает. Я вот бульон приготовила, ты спустись, как он проснётся, разогрей ему, ладно?

– Хорошо.

Огненный во сне дышит тяжело, будто кто-то нажимает ему на грудь как на клапан, и воздух со звуком выходит из него. Вот он закашливается, проводит языком по сухим губам и поворачивается набок. Мне хочется погладить его по голове, но я боюсь его разбудить. Пусть лучше спит.

Огненный просыпается ближе к вечеру, и я иду на кухню разогревать ему бульон с вермишелью и кусочками курицы. Режу два куса чёрного хлеба и натираю их чесноком, а затем посыпаю солью. На выходе из столовой сталкиваюсь с Буйным.

– К нему можно?

– Ты можешь заразиться.

– А я в дверях постою. Можно?

Не знаю, когда разлука даётся тяжелее: в детстве, когда сутки – это целая жизнь, или позже, когда уже осознаёшь ценность человека.

Улыбаюсь. Киваю.

– Я вам помогу! – Буйный тянется к подносу.

Он аккуратно поднимается по каждой ступеньке, стараясь не пролить ни капли. Это и есть истинное проявление любви. Настоящая дружба. Он, как истинный мужчина, не признаётся в этом Огненному, но, кажется, он ждал весь день, чтобы увидеться с ним.

Истинным чувствам препятствовать нельзя.

Я открываю дверь, чуть надавив на неё рукой. Буйный стоит передо мной.

– К тебе гости, – обращаюсь я к Огненному.

Заметив Буйного, Огненный улыбается и присаживается. Буйный проносит поднос и размещает его на тумбочке. Я убираю лекарства.

– Осторожно, бульон горячий.

Буйный садится на койку напротив. Огненный приступает к еде.

– Как сыграли сегодня? – спрашивает он, подув на ложку.

– Да игра совсем не шла, – цыкает Буйный. – Без тебя не то.

Они обсуждают этот серый день. Они есть друг у друга, и это добавляет в их мир красок. Я думаю об Аква.

Спасть остаюсь в Доме.

Третью иглу прячу в кармане куртки.

Наконец-то он возвращается. Нам пришлось больше недели делать вид, что всё в порядке. Но теперь всё действительно в порядке. Аква предлагает мне переехать поближе к нему. И мне от этого становится намного легче. Теперь я знаю, что он никуда не денется, он будет рядом, а мне нужно это. Мы договариваемся про свет в комнатах напротив. Это даёт мне осознание, что я могу положиться на Аква в трудную минуту, а он на меня, что мы теперь вместе, мы, пусть и зависим друг от друга, но мы есть друг у друга. Этот свет в окнах действительно освещает темноту внутри меня.

После неформальной встречи в кафе Аква собирает нас у себя. Мы располагаемся на полу: мебели у него почти нет. Он рассказывает о том, что произошло с ними за горизонтом. Мы слушаем его, Пламя и Лётчика, будто нам рассказывают какую-то страшилку.

– Я не понял, – говорит Хрусталь, – так тени опасны или нет?

– Да. И нет, – отвечает Аква.

– Офигительный ответ.

– Я думаю, что у теней есть разум. Шлюха умеет контролировать его, поэтому в городе они не опасны. Но если их не контролировать...

– Ну, вот нападает на тебя тень, – не унимается Хрусталь, – но ведь физически она не причиняет тебе вреда.

– Да... – задумчиво соглашается Лётчик. – Но ты можешь навредить себе сам.

– Сам? Я что, debil, что ли, чтобы вредить себе сам?

– Так и мы не дураки, – вступает Пламя. – Это как встретиться с чем-то потусторонним.

– Глупо бояться теней, если они не могут причинить вреда.

– А ещё мы там нашли парня, – объявляет Аква.

– Какого парня? – настораживается Пепел.

– Обычного парня.

– Судя по всему, необычного, раз уж вы нашли его за горизонтом, – вставляет Хрусталь.

– Он из города? – спрашиваю я. – Он следил за вами?

– Не знаю, не похоже, – Аква ненадолго задумывается. – Я отвёл его к Хирургу.

– Так, погоди, – встревает Пепел, – что он делал за горизонтом?

– Не знаю. Может, жил там.

– За горизонтом? Это шутка такая?

– Всё, что мы знаем о горизонте, – это просто домыслы. Может, там, дальше, такой же город и в нём тоже живут. И он тоже решил исследовать горизонт.

– А что он сам сказал? – спрашиваю я.

– Ничего. Он ничего не помнит. Или мастерски врёт.

Нас всех настораживает это известие. Пламя подробно рассказывает, при каких обстоятельствах они его обнаружили. Мы ещё долго всё это обсуждаем и уже далеко затемно расходимся. Я остаюсь, чтобы приготовить Аква что-нибудь поесть. На самом деле я просто не хочу оставлять его одного, будто он опять совершит этот глупый поступок и бросит нас всех.

Пока я жарю ему яичницу под звук шкворчания, сидя за столом, подперев рукой щёку, Аква вдруг говорит:

– Я слышал его там.

– Кого? – оборачиваюсь.

– Кислого.

– Это невозможно, – накрываю яичницу крышкой. – Кислый умер. Мёртвые не возвращаются.

– Я знаю, Ёлка, но я, правда, слышал его. Это безумие, я знаю, но я склонен предполагать, что этот парень как-то связан с Кислым.

– Как?

– Я не знаю.

– Он не может быть Кислым.

– Он не Кислый. Когда тень на меня напала, последнее, что я видел, – это лицо Кислого, – Аква закрывает глаза. – Нет. Это может быть просто совпадением.

– Я знаю, что тебе хочется в это верить... – я касаюсь его руки, он вздрагивает, открывает глаза и перебивает меня:

– Мне не хочется в это верить, Ёлка. Всё, что я хочу, – это принять его смерть, потому что всё остальное – это безумие, – он немного молчит. – Яичница не сгорит?

Мне очень хочется увидеть этого парня. Знаю, что это глупо, и я даже не понимаю, на что надеюсь. Что даст мне встреча с ним? Кроме разочарований и сомнений, ничего. Я знаю, что это не он. Я знаю, что смерть – эгоист: забирает и не отдаёт. И вдруг я осознаю, что хочу увидеть этого ни в чём неповинного парня, потому что он вселяет в меня страх. Я могу снова столкнуться со смертью, взглянуть в её безжалостные глаза и попытаться в очередной раз её принять. Мне страшно от осознания, что он как-то может быть связан с Кислым, и я хочу избавиться от этого страха. Я бы хотела, чтобы Аква привёл его к нам.

Но вместо этого он приводит её.

Её зовут Змея. Имя уже говорит само за себя. Плюётся ядом. В день знакомства она кажется зажатой и недоверчивой. Но это только оболочка, кожа, которую она скинет позже. Её истинная сущность раскроется потём, давая нам понять, что и в самом дружном коллективе рано или поздно заведётся своя змея. Мне от неё не по себе, и я внутренне сразу же отталкиваю её.

Ей нужно найти дом. Мы лишь недавно закончили мой переезд. Конечно, она не может жить на улице, это дико, но поиски жилья и помощь в его обустройстве будто отбирают мою боль. Она отбирает её, перетягивает на себя, и меня это отталкивает. Аква смотрит на меня, ожидая, что я возьму её к себе пожить ненадолго. Но это глупо с его стороны. Я хочу быть рядом с Аква, помогать, когда ему нужна моя помощь, и просить помощи, когда в ней нуждаюсь я. Я не хочу ни с кем делить свою квартиру. Я несколько месяцев делила её со смертью, так что теперь я хочу жить одна. Да и просто... Змея мне не нравится. Наверное, это что-то личное. Мы с Аква заботимся друг о друге, а теперь он заботится о ней. Да, это его долг лидера отряда, но мне это не нравится.

Пламя соглашается взять её к себе.

Когда все расходятся, я подхожу к Аква.

– Не знала, что у нас планировалась новенькая, – выделяю последнее слово, ведь я ждала, что он приведёт того странного парня.

– Я тоже, – устало отвечает он. – Так получилось. Но это мой долг перед городом.

Иногда мне кажется, что мужчины предпочитают думать глобально, не обращая внимания на то, какие детали их окружают, без которых их глобальное не имело бы смысла.

– Она мне не нравится, – честно признаюсь я.

– Почему? – он ещё до моего признания понял, что я не испытываю к ней симпатии.

– Не знаю. Трудно сказать... Я смотрю на неё, а внутри всё сжимается. Это глупо, да?

Конечно, это глупо. Ревность поражает женщину глубоко, просачиваясь в самые потаённые части души, задевая струны, которые раньше молчали.

– Ничего не глупо, – успокаивает он меня, – если ты это чувствуешь. Просто ты не можешь разобраться, почему. Возможно, я сейчас поступлю неправильно, и это только её дело, но я хочу тебе кое-что о ней рассказать.

Это меня пугает. Сейчас он раскроет какую-то тайну, и она, вероятно, должна смягчить моё отношение к ней, и я заранее занимаю оборонительную позицию, потому что я не хочу испытывать сочувствия к ней. К тому, кто встанет между мной и братом.

– Её кровь содержит яд. Это её особенность. Её яд целебен. Он помогает от всего. Вообще от всего, Ёлка.

Я понимаю, что он имеет в виду. Отшатываюсь к стене и закрываю глаза руками, отрицаю эту возможность. Какого чёрта? Это неправда, так не бывает. Так просто не может быть.

– Как долго Хирург держал её у себя? – это вопрос, на который я боюсь получить ответ. У нас был шанс спасти его?

– Я не знаю.

Это причиняет мне боль. Значит, шанс, возможно, был.

– А что, если?..

Аква перебивает меня:

– Если бы она была тогда у него, он бы помог. Я уверен.

– Мы могли спасти его? Аква, почему сейчас? – убираю руки от лица, и слёзы текут по моим щекам. – Она была нужна нам тогда! Тогда! А не сейчас!

Зачем, вообще, он привёл в наш отряд человека, который мог всё спасти? Зачем? Зачем она нам сейчас? Чтобы я каждый день смотрела на её светлое лицо и думала о том крохотном шансе, которого она так бесчеловечно нас лишила? Я ненавижу её. Я ненавижу её за то, что она

не появилась раньше. А теперь я должна с ней сдружиться и принять в нашу семью? Если бы она пришла раньше, всё было бы по-другому. Я никогда ей этого не прощу. Никогда.

Я жду, когда спустится Аква, чтобы отправиться с ним на ходку. Он говорит, что нужно зайти за Змеей. Я вздыхаю. Я даже не пытаюсь скрыть своё отношение к ней. Пока мы идём, я говорю:

– Теперь получается, что один человек с ходки будет работать один. Потому что теперь нас семеро, а пар по-прежнему будет три. Несправедливо, не кажется?

– Работать в одиночку тоже нужно уметь. Сегодня моя задача – показать Змее, как нужно работать.

Меня это задевает. Словно кто-то подвешивает на крюк моё сердце, и оно срывается вниз. Больно от острого крюка, страшно от падения. Как лидер он поступает правильно, но как мой брат... Он словно отталкивает меня. Но я этого не понимаю. Зачем тогда он предложил жить ближе к нему? Зачем этот свет в окне? Свет в его окне – единственное, что меня успокаивает, когда у меня дерьмовое настроение, это то, что помогает мне не опускать руки.

Я тактично молчу.

Как обычно, в начале ходки я устраиваю жеребьёвку. Мы все понимаем, что кому-то придётся идти одному. Лётчику выпадает Пламя, а Пеплу – Хрусталь. С горя поджимаю губы. Чертовская несправедливость. Пепел считывает её в моих глазах:

– Если хочешь, можешь присоединиться к нам, – он хлопает Хрусталя по плечу, тот одобритительно кивает.

– Или к нам, – подхватывает Пламя. Кажется, она лучше всех понимает моё состояние в последнее время. Даже лучше брата.

– Нет, – гордо, но задето отвечаю я, глядя в глаза Аква. – Одна – значит одна, не так ли? Когда мы расходимся к домам, я слышу голос Змеи:

– Кажется, Ёлка мне не рада.

От этого мне хочется вцепиться своими ногтями и изуродовать её лицо.

Подход к дому разворочен. Части каменных ступеней выкорчеваны, как сорняки, и валяются, мешая без труда добраться до входа. Дверь закрыта, но, возможно, не заперта. Добравшись до неё, дёргаю за ручку, ещё, сильнее. Безрезультатно. Обхожу немое здание. Окна первого этажа забиты досками. Я роста небольшого и в лучшем случае могу оторвать лишь нижние доски, но попасть внутрь мне это не даст. Стекланные окна начинаются на втором этаже. У одного из них – лестница, но начинается она со второго этажа, так что мне её не достать. Ставлю рюкзак на землю и достаю верёвку. С четвёртой попытки мне удаётся закинуть верёвку так, чтобы её конец свисал по другую сторону перекладки лестницы. Ещё немного сноровки, и оба конца оказываются у меня в руках. Связываю их как можно крепче на всякий случай и, упершись ногами о стену, начинаю взбираться. Затем немного поднимаюсь по лестнице. Вокруг, из других домов, уже всю слышны звуки работы. Это меня раздражает, будто меня специально отправили одну к дому, в который просто так не попадёшь. Разбиваю стекло локтем и, держась одной рукой за перекладину лестницы, инструментом сбиваю оставшееся стекло, скидывая его вниз. Ударяясь о землю, оно звонко разбивается.

Я оказываюсь внутри.

Темно. Ночь пасмурная, так что без фонарика мало что видно. Эта темнота будто охватывает меня. Резко, не давая шанса к сопротивлению. Дом дышит своей пустотой.

Через разбитое окно снаружи доносятся стуки инструментов. Здесь я ощущаю своё бессилие перед одиночеством. Одиночество – это тьма внутри дома, поглотившая быстро, не дав опомниться, осознать, что мне встретилось. Поиск выхода из него займёт время, поиск чего-то полезного в нём займёт время. А у меня чувство, что это время будет потрачено впустую.

Достаю из кармана фонарик. Совершенно пустая комната. Тут нет даже обоев, ни единого признака жизни. Даже двери в комнату нет. И мне почему-то кажется, что за этой комнатой следует череда таких же пустых.

Редкие друзья самородков в пустынных комнатах маленькие. Это всё, что я могу сейчас получить от жизни. Они лишь закрывают дно моего рюкзака.

Мне не хочется выходить из этого дома. Одиночество парадоксально: думаешь о нём и отталкиваешь его от себя, как нечто дурное, но оказываешься в нём и уже не хочешь его из себя упустить.

Мне хочется избавиться от всех этих чёрных мыслей, чёрных чувств внутри себя. Будто кто-то заменил меня хорошую на точную копию меня плохой. Я плохая? Что ж, пожалуй. Желать кому-то плохого, ненавидеть человека, ненавидеть себя из-за того, что ненавидишь, злиться на близкого человека, огрызаться... Нет, кажется, я неплохой человек, просто внутри меня происходит что-то дурное, когда ожидания сталкиваются с реальностью. Это и есть жизнь.

• Lely45- Ожог

Я сажусь на пол спиной к стене. Из рюкзака достаю один самородок. Что скажет Аква? Впрочем, не нужно, чтобы он знал. *Каждый справляется с собой по-своему.* Я сделалась дурной и не могу этого принять. Значит, буду выбивать из себя эту дурь. Расстёгиваю куртку и оголяю ключицу. Вдох – выдох. Вдох. Выдох. Резким движением остриём, словно шприцем, ударяю самородком в ключицу. Жгучая боль сжимает мои зубы, я дёргаю ногами, и самородок выпадает. Всё плывёт, место удара жжёт, словно приложили раскалённое железо. Яркие вспышки белого света, будто сотни фотокамер направлены на меня, сменяются абсолютной тьмой. Я, опираясь о стену, поднимаюсь и иду вперёд, к входной двери. Спотыкаюсь на лестнице и кубарем лечу вниз. Боль пульсирует по всему телу. Я лежу на спине, закрыв глаза и тяжело дыша. Мозги как будто плавятся. Кажется, меня бросает в жар. Я поднимаюсь, открыв глаза, и иду к двери. Дверь заперта изнутри. Я безуспешно пытаюсь её открыть. Яркие вспышки сменяются танцующими повсюду разноцветными кольцами. В ушах стоит гул. Я возвращаюсь к рюкзаку, поднимаясь по лестнице и вцепившись в перила, боясь потерять равновесие на ровном месте. Дальше ползу по ступенькам на второй этаж.

От выбитого мной ранее окна веет пьянящей прохладой, и я бросаюсь к нему. Вцепляюсь руками в подоконник, как в спасательный круг, и будто пью холодный воздух. Закрываю глаза. Кажется, меня шатает, но это лишь чувство внутри, внешне я неподвижна. Жду, когда мне полегчает.

Слышу знакомые голоса и открываю глаза. Первые брызги рассвета на сером небе. Я вся покрыта потом, волосы прилипли ко лбу. Я будто только что очнулась от кошмара. Чувствую, что иглы на моих руках крепко вцепились в кофту и куртку, стоят дыбом. Отхожу назад, снова подхожу к подоконнику, проверяя свою координату. Кажется, в порядке.

Влезаю наполовину на подоконник и цепляюсь рукой за перекладину лестницы. Отталкиваюсь и спускаюсь. Смотрю вниз, и всё начинается расплываться, будто кто-то растягивает пространство подо мной. Моя нога соскальзывает, но я крепко вцепляюсь в лестницу. Вишу недолго, физически я не очень сильна. Спрыгиваю вниз. Рукой касаюсь земли, и разбитые осколки стекла врезаются в мою ладонь.

– Твою мать! – вырывается из меня недовольство, собирая картинку передо мной в нормальное изображение. Я стряхиваю стекло со своей кожаной перчатки и иду к месту сбора. Там уже ждут меня.

– Ёлка, что с тобой? – тревожится Пламя. Я не понимаю её. – Твоё лицо... Что случилось?

– Я... упала.

– Сильно болит? – Змея хочет коснуться моей щеки, но я резко бью её по руке. – Это всё, что мне удалось собрать, – демонстративно скидываю рюкзак перед Аква. – Всё, что там было.

– Хорошо, – кивает он.

От его «хорошо» мне хочется заплакать. Почему он не видит, что мне плохо, что мне не хватает его, что он мне нужен? Почему Пламя волнуется за меня, а он нет?

– Ты уверена, что всё хорошо? – спрашивает Пепел. – Давай сходим к Швее.

– Да, лучше на всякий случай сходить, – соглашается Аква. Меня бесит, что он будто знает, как мне лучше. Может, он и знает, как лучше для отряда, но точно не для меня.

– Я отведу!

Сначала мы идём молча. У меня нет желания общаться. Я иду, сложив руки на груди и глядя под ноги. Пепел то и дело поглядывает на меня.

– Как ты упала?

– С лестницы.

– Это как?

– Поскользнулась и упала, – огрызаюсь я. – Чего непонятного?

– Извини.

– Прости.

– Ты в последнее время совсем колкая стала.

– Да... Это всё из-за Змеи.

– Она тебе тоже не нравится?

– Тоже? Я думала, я одна из-за неё бешусь.

– Нет, поверь. У меня она не вызывает положительных эмоций.

Я улыбаюсь, даже, наверное, самодовольно усмехаюсь тому, что не одна в этой своей злости к ней.

Швея осматривает меня и делает мне компрессы. На место ожога от самородка тоже. Приходится солгать, что наткнулась на него при падении с лестницы. Прокатывает.

В следующую ходку мне снова не везёт, ведь в этот раз Змея оказывается в паре со мной. Дом нам попадает хороший. Железная дверь внутри дома перекрывает прямой доступ, и мы решаем столкнуть её, чтобы не лезть в окна. Мы упираемся в дверь руками, под нашим напором она с грохотом падает на пол. Я, не удержавшись, падаю на неё. Змея протягивает мне руку, но я, кашляя от поднявшейся пыли, встаю сама. Отряхиваюсь.

– Ты налево, я направо.

Мы расходимся и поднимаемся на самый верх. В первой же комнате приступаю за работу. Слышу, как и Змея начинает орудовать инструментом. Когда заканчиваю, решаю не дожидаться её и спуститься вниз. Замечаю, как она сидит в комнате без двери и безуспешно пытается отколоть самородок. Жалкое зрелище.

– Господи, ну, что ты делаешь? Аква явно учил тебя не так! – я отпихиваю её, перехватываю инструмент и в три удара откалываю самородок. – Понятно? – отдаю ей его в руки, вставая с колен.

– Почему ты меня так не любишь?

– Потому что тебя не за что любить, – бросаю я, возвращаясь за своим рюкзаком. Наверное, это было лишнее. И очень грубо. Поднимая рюкзак, я даже чувствую внутреннее давление от необходимости извиниться перед человеком, которого я на дух не переношу. Но я не успеваю этого сделать.

– Ты ревнуешь.

Я оборачиваюсь. Она стоит, скрестив руки на груди, с надменным взглядом.

– Чего?

– Вас было двое в отряде. Две девчонки. Одна пацанка и ты. Пламя не составляла тебе конкуренцию. А теперь есть я.

– Что за бред...

– Внимание парней теперь будет распространяться и на меня. У тебя ведь нет парня?

Вопрос вспыхивает во мне бенгальским огнём, заставляя искрить.

– Закрой свой рот, Змея! Ты ничего обо мне не знаешь!

– Ты тоже обо мне ничего не знаешь, а уже...

– Нет, знаю! – перекрикиваю её я, и глухие стены впитывают эхо. Я подхожу к ней, тыча в её грудь пальцем, заставляя её пятиться. – Я знаю про тебя. Аква сказал мне.

Она будто пугается:

– Что... что он сказал?

– В тебе течёт целебная кровь, кровь, которая могла спасти, – я замираю.

– Кого спасти? Кого спасти, Ёлка? – она вдруг начинает паниковать. – Что ещё он тебе сказал?

– А разве это не всё? Я ненавижу тебя, Змея, ненавижу всем своим злым сердцем. Ради отряда я готова тебя терпеть, но если когда-нибудь тебе потребуется именно моя рука помощи, я её себе лучше отрублю.

Всю оставшуюся ходку мы работаем молча.

Если бы у моей боли были голосовые связки, она кричала бы. Ненависть – язык моей боли. Она бы кричала, надрывалась, пока бы на неё не обратили внимание, пока бы не пришли её утешить. Боль так громко кричит во мне, что её никто не слышит. Оглушающая всё вокруг боль.

Пламя рассказывает мне, что Лётчик пригласил её на свидание. Она волнуется, это её первое свидание, а у неё нет даже платья. Я у себя дома помогаю ей подготовиться. Мы выбираем наряд.

Она стоит перед зеркалом, улыбаясь, в платье цвета невинности, постоянно поправляя подол. Платье ей до колен, но ей будто немного в нём неудобно, скорее, непривычно.

– Это тоже не то? – уточняю я. Мы примерили уже пять.

– Это оно, просто... Я к платьям не привыкла. Я не очень странно выгляжу?

– Ты выглядишь в нём изумительно, – приобнимаю её за плечи, её глаза светятся. В этом платье я впервые танцевала с Кислым. – Но если тебе не комфортно, мы можем вернуться к твоему стилю и прикрыть эти стройные ножки джинсами.

– Нет! Но вдруг ему не понравится?

– Вы же не первый год знакомы. Ты ему уже нравишься, иначе стал бы он приглашать тебя на свидание?

– Но это всё так неловко! Одно дело, когда я просто думаю о нём, а другое – свидание. Что мне говорить? Как себя вести? Ёлка, я не справляюсь! – она садится на диван.

– Это всего лишь свидание, а не война. Одно свидание ни к чему не обязывает. И потом, это же Лётчик. *Сколько лет ты его знаешь? всю жизнь?* Он бы ещё вечность ждал, прежде чем пригласить такую красавицу! Хочешь, я помогу тебе с макияжем?

– Макияж? – она вздрагивает, словно пугается. – Это уж совсем лишнее.

– Да мы чуть-чуть. Сделаем твой взгляд более выразительным. И волосы красиво уложим. В косы. Хочешь?

Пламя счастливая. А счастье хрупко. Нам думается, что мы обладатели своего счастья, но это не так. Не мы обладаем счастьем, а счастье обладает нами. До тех пор, пока нами не начнёт обладать что-то другое.

Кажется, они с Лётчиком ссорятся на свидании. Но я совсем ничего об этом не знаю. Пламя закрывается, уходит в себя. Может быть, он сделал что-то не то. Но Пламя будто становится другой. Её живость меняется, её взгляд меняется, она меняется. Я предпринимаю попытку узнать, в чём дело, помочь, но она говорит, что всё в порядке.

«Всё в порядке» – это самая распространённая ложь.

Пламя – моя подруга. Настолько, насколько можно быть подругой в коллективе, где изначально было только две девушки. Я не могу сказать, что мы очень близки, мы разные, словно из двух разных галактик, но я действительно считаю её своей подругой. А теперь она закрывается от меня. Но что там такого могло произойти? Может, я могу помочь?

Наверное, это не совсем честно, но я решаю поговорить с Лётчиком. Уж он-то должен знать, что он сделал не так.

– Я что-то натворил? – удивляется он. – Ну, да. Наверное, я что-то натворил. Не знаю, Ёлка! Я думал, Пламя понятная, а она меня избегает. Всё было хорошо, просто... Ну, я не проводил её до дома. Думаешь, из-за этого?

– Ты не проводил девушку до дома в ваше первое свидание?

– Да, знаю, я налажал! Но нужна была моя помощь и...

– Лётчик, ты дурак!

– Она была не против, сама сказала же, что я могу идти.

– А что она должна была сказать? Запретить тебе? Она хотела, чтобы ты выбрал её. А что выбрал ты?

– Ой, только не надо этих пафосных фраз! Никто от этого не умер! Да, я виноват, и я признаю это.

– Тогда почему ты не извинишься?

– Да я на следующее же утро извинился! А она мне даже дверь не открыла. Стоял под её окном и извинялся.

– Тогда я не понимаю.

– Да я тоже её не понимаю. Что ж так в крайность-то? Поговори с ней, Ёлка. Я уже не знаю, что делать!

Но Пламя не говорит со мной. Она не злится на меня за то, что я поднимаю этот вопрос, не злится на Лётчика, когда я упоминаю его, она просто отвечает, что всё в порядке. Против этого не пойдёшь. Нельзя помочь человеку, если он утверждает, что всё в порядке.

А моё «всё в порядке» разваливается, когда я действительно достигаю своего «всё в порядке». На одной из вечеринок Календулы мы в очередной раз ссоримся со Змеёй, и Аква заявляет мне, что любит её. Это звучит как предательство. Не потому что он ни с кем не должен встречаться, а потому что он из всех выбрал самого ненавистного мне человека.

Ненавижу блондинок.

Раньше, до *его* ухода за горизонт, я не задумывалась о том, что в голове у моего брата, что двигает его поступать так, а не иначе. Раньше я полагалась на него и доверяла любому его решению. Но в последнее время часть его решений вызывают во мне диссонанс. Говорит ли это о том, что я в действительности совсем не знаю брата? Или я знаю его ровно до той степени, до которой он позволяет себя узнать? А может, я ни разу за всю жизнь по-настоящему так и не поняла его? Мне приходится мириться с его решениями, хоть я и не согласна с ними.

Так у нас появляется Мрак. «Появляется» – это громко сказано. Она не входит в наш отряд, за что я очень благодарна Акве, но она ходит с нами на ходки. Да, в этом есть своя небольшая выгода: она вносит свой вклад и работает на совесть, но человек она неприятный, отталкивающий. Нет, не как Змея. Змея изображает из себя хорошую и неумело скрывает свою гниль. Мрак же ничего не изображает. Она такой элемент, который открыто срывается, гавкает, словно пёс на цепи, но никого по-настоящему не может покусать. Это делает её жалкой. К тому же мы часто видим её с бутылкой и в нетрезвом состоянии, так что сочувствия она у меня не вызывает. Я тоже выпиваю иногда, но Мрак всегда пьёт одна. Алкоголизм в компании с одиночеством – разрушительная стихия. Впрочем, Аква и не просит дружить с ней или предпринимать попытки к более гладким отношениям. *Она есть, и её как бы нет.* Меня это устраивает.

Одной ночью, когда мы с Пеплом возвращаемся с вечеринки Календулы, я замечаю её у дома. Заметить глазами её трудно, она ходит в чёрном, будто пытается примазаться к мухам. Может быть, Паук её не принял. Но я замечаю её по звукам. Она блюёт. Мы с Пеплом идём по другой, освещённой стороне улицы и пытаемся не обращать на это внимание.

И всё же иногда во мне ещё даёт о себе знать человеческое. Я останавливаюсь и говорю:

– Подойди, проверь, что с ней.

Пепел недоумённо смотрит на меня:

– Это Мрак.

– Пожалуйста. Я сама боюсь.

Он вздыхает так, будто я только что попросила его передвинуть дом на другой конец улицы.

– Пшёл к чёрту! – невнятно, но громко говорит Мрак, выставляя руку в сторону приближающегося Пепла.

– Не узнала спьяну? Это Пепел, – он с ней не церемонится. – Тебе нужна помощь? – он поворачивает её на себя, и она блюёт ему под ноги.

– Пошёл...

Пепел не даёт ей договорить, чуть отталкивает к стене и возвращается ко мне. Пока он приближается, я вижу за его спиной, как она скатывается по стене и вытягивает левую ногу вперёд. Носок её ботинка задевает бутылку, отчего та падает на тротуар, но не разбивается. Из бутылки начинает выливаться её опьяняющая жидкость. На секунду, всего на секунду в моём сердце проскакивает жалость к ней. Счастливые не топят в алкоголе.

Может быть, в моём сердце найдётся что-то человеческое и для Змеи. Мозгом я понимаю, что она вряд ли могла прийти раньше и спасти многих из нас от горя, грозовым облаком повисшим над городом, но сердце кричит от боли и несправедливости и, найдя того, на кого можно свалить вину, безжалостно ненавидит. Но я постараюсь. Не ради Аква, а ради себя. Иногда я чувствую, что утратила всё то прекрасное, что делает человека человеком. Может, вернуть это невозможно, но можно предпринять попытку снова в себе это взрастить.

Жизнь течёт, потому что по-другому не может быть. И нужно учиться плыть вместе с ней.

Так я думаю, пока не исчезает мой брат.

В первый же день, когда Пепел и Лётчик возвращаются от Хирурга после ходки, я организирую поиски. Может, это громко звучит. Мы с Пеплом возвращаемся в его квартиру, чтобы найти хоть что-то. Не знаю, что нужно найти. В его квартире сложно что-то потерять, там мало всего, но я перебираю все его вещи, осматриваю балкон, даже ковёр на балконе снимаю, может, он спрятал что-то под ним. Но ничего. Такое ощущение, что он просто ушёл. Погулять или по каким-то более важным делам. И я чувствую себя крайне неловко. Вот он сейчас вернётся, а мы так бесцеремонно шаримся в его квартире. Потом Пепел предлагает пройти по всем возможным квартирам в доме Аква, но все другие квартиры закрыты. Пепел говорит, что обойдёт ещё раз, а меня просит обойти вокруг дома. И только когда он выходит из подъезда, сообщает мне, что проверил шахту лифта, потому что боялся, что Аква упал, и не хотел, чтобы я видела таким своего брата. Но Аква там нет. Во всём доме его нет.

Мы исследуем и мой дом. Но результат тот же. Меня вдруг бросает в дрожь от осознания, что нам придётся перелопатить весь город, каждый его уголок, каждую подворотню, зайти на территорию других отрядов, чтобы отыскать моего брата. Раньше мне не казалось, что город настолько велик. Пепел прижимает к себе и пытается успокоить, но сердце моё стучит в два раза быстрее обычного, мне тесно в его объятьях, мне жарко, я отталкиваю его и бегу. Просто бегу без оглядки от чего-то, что пытается меня догнать, схватить, поглотить. Я боюсь остановиться. Я бегу и бегу до тех пор, пока ноги мои не начинают болеть. И только тогда я останавливаюсь. Но я всё ещё нахожусь в городе.

Этой ночью я плохо сплю. Как только засыпаю, реальность выдёргивает меня обратно. Я как будто чувствую бесповоротность случившегося, но отказываюсь в неё верить. Человеку нужно верить во что-то хорошее, иначе он сойдёт с ума или покончит с жизнью.

Я не могу покончить с жизнью, пока не найду *его*.

Утром меня будит стук, настолько настойчивый, что я думаю, что это Пепел пришёл ко мне. К моему удивлению, на пороге стоит Змея в полной экипировке, с рюкзаком за спиной, будто она собралась на ходку.

– Я иду его искать. Если ты со мной, то собирайся, – она говорит уверенно, даже решительно, словно в её голосе слышится готовность бороться с возражениями. В этот момент я понимаю, что никогда, пожалуй, не сомневалась, что она *его* любит. Возможно, именно это и бесит меня в ней больше всего.

– Тогда мне нужно время, – говорю я и возвращаюсь в комнату, чтобы переодеться и взять всё нужное с собой. Дверь в квартиру я не закрываю, так что Змея стоит на пороге и смиренно ждёт меня, следя за моими передвижениями.

– Я готова, – говорю я минуты через три.

– Ты завтракала?

Я отрицательно мотаю головой.

– Надо поесть, – говорит она. – Я не собираюсь возвращаться до позднего вечера.

Мне хочется ей возразить, хочется отправиться на поиски незамедлительно, но она права. Через секунду раздумий я кладу свой рюкзак на пол и иду на кухню.

– Не стой на пороге! – говорю я. – Заходи!

Это не гостеприимство, а банальная вежливость.

Змея впервые у меня. Она садится за стол, пока я *суетюсь* и ставлю чайник, чтобы заварить себе кофе. Заодно беру термос. Делаю бутерброды и в дорогу тоже.

– Ты будешь есть? – спрашиваю я.

– Я уже ела.

В её голосе звучит твёрдость, которую я не замечала в ней раньше. Эта твёрдость не давит на меня, она словно не позволяет мне развалиться. После завтрака я на скорую руку пишу записку о том, что ушла на поиски, и оставляю её, воткнув в косяк двери для Пепла.

Я убеждена, что со Змеей мы найдём Аква, потому что будет иронично, а город такое любит. Я найду Аква с человеком, от которого отворачивалась, сколько её знаю.

Я иду за ней молча, даже не интересуясь, куда именно мы идём. Странно, что я сейчас полагаюсь на неё. Но она всё делает правильно: тоже молчит. Мы подходим к его дому.

– Мы здесь уже были, – говорю я, глядя на него снизу вверх, как на гору, на которую нам никогда не подняться.

– Мы? – она разворачивается ко мне.

– С Пеплом. Прошерстили его дом и мой.

Она сдвигает брови и строго спрашивает:

– Почему вы не позвали меня? – но она не ждёт моего ответа, потому что знает его. – Что-нибудь нашли?

– Ничего.

– Тогда не будем задерживаться. Идём к следующему дому.

– Вряд ли он где-то в незнакомом доме нашего района. Что ему там делать?

Она строго, почти враждебно смотрит на меня:

– Если у тебя есть другие предложения, я готова тебя выслушать. А если нет, то следуй моему плану.

Эта решительность ей к лицу, хоть я раньше в ней её не замечала. *Но она бы сейчас не помешала и мне.*

– А каков твой план?

– Начнём исследовать ближайшие к дому здания, потом весь район, потом все крупные места города и округу: Детский Дом, Дом Шлюхи, кафе, спортплощадки... А затем пойдём по районам других отрядов.

– Других отрядов? Жаба и Календула ещё куда ни шло, но соваться к мухам... Я не самоубийца.

– А мне больше нечего терять. Впрочем, бояться тебе не стоит. Я знаю, чем купить Паука.

– Что это значит?

– Сейчас это неважно. Поговорим, если дойдёт до этого этапа. Возможно, в будущем мне понадобится твоя помощь, но, если ты откажешься, я пойму.

Это задевает меня. Если это хоть как-то поможет найти Аква, то я согласна уже сейчас.

– Я не откажусь.

– Ты даже не знаешь, что это.

– Я не откажусь.

– Тогда идём в дом. День будет жутко длинным.

Некоторые квартиры в домах заперта, на них Змея краской из баллончика ставит крест. Если в здание нам не удалось попасть или все квартиры оказались заперты, то на стене дома Змея рисует крест, если в здание нужно вернуться, Змея рисует крест, если мы изучили здание и возвращаться в него не стоит, Змея на его стене рисует круг. В конце дня, когда уже стемнело, мы решаем завершить поиски на сегодня.

– Завтра я продолжу, – говорит Змея. – Тебя ждать?

– Да, – киваю я. – Можем встретиться у этого здания завтра в шесть.

– Хорошо.

– Ты домой? Ты бледная.

– Я к Шлюхе.

– Не знала, что ты ходишь к Шлюхе.

Мы молчим.

– Я тебя не осуждаю, – добавляю я.

– Не тебе меня осуждать, Ёлка. До завтра!

Уставшая, возвращаюсь домой. У двери с запиской в руках и пакетом сидит Пепел, дремлет.

– Что ты тут делаешь? – помогаю подняться.

– Жду тебя.

– Весь день? – я открываю дверь в квартиру.

– Нет. Я пришёл днём, прочёл записку, понял, что ты будешь поздно, пришёл сюда часов в десять.

– А который час?

– Около часа. Я приготовил тебе еды, – он поднимает пакет, – подумал, что ты вернёшься голодной.

– Спасибо.

Мы садимся за стол, и я разогреваю еду на плите.

– Как успехи? – он спрашивает осторожно, но голос выдаёт его страхи.

– Никак. Завтра продолжим.

Я рассказываю про план Змеи.

– Я пойду с вами.

– Надо будет проверить отмеченные крестом квартиры. Бери лучше Хрусталя, тяжёлые инструменты и идите по нашему следу.

– Думаешь, мы его найдём?

– Не смей думать иначе!

– Но если...

– Никаких «если», Пепел! Давай не будем ссориться. Я устала и завтра тяжёлый день.

Он ничего больше не говорит. Я расстилаю кровать, и мы ложимся спать вместе. Он обнимает меня сзади, и я чувствую, как мне страшно. Ведь он прав. «Если» существует.

День тянется за днём, вчера становится похожим на сегодня, а сегодня – на завтра. Я мало и плохо сплю, перебиваюсь бутербродами и кофе. Я срываюсь на Пепла, мы ссоримся. Потом он приходит ко мне мириться.

– Ёлка, тебе нужно отдохнуть. И нам всем нужно подумать о будущем.

– Я и так думаю о будущем, потому что без Аква у нашего отряда его нет.

– Я знаю, я об этом же. Уже много времени прошло, наши запасы кристаллов со временем не пополняются.

– В домах мы натываемся на кое-что, но я не хочу тратить драгоценное время на извлечение самородков, если мой брат...

– Ёлка, будь разумной! Если с ним что-то случилось и он в этот момент был один, то он, наверное, уже скончался без еды и воды. Не смотри на меня, это суровая, но правда. А если он не один, значит, кто-то в курсе. Но пока мы находимся в таких условиях, мы должны думать о себе. Нам нужно искать нового лидера.

– Ты предлагаешь себя? Но ты не ищейка!

– Я предлагаю перейти в другие отряды.

– Это предательство!

– Мне эта идея тоже сначала не понравилась, но если рассудить... Не побираться же нам, как Мрак. Это мера, чтобы выжить. Мы ничего от этого не теряем.

Да, если рассудить, то, попав в другой отряд, мы можем изучить и их район вполне себе спокойно. Пепел прав. Когда все в отряде соглашались с этим непростым решением, я прошу собрать Пепла все свои сбережения и передать мне. Их я кладу в сумку со своими и отправляюсь к Жабе.

Жаба сидит в огромном красном кресле, словно король. Я ставлю перед ним сумку и сажусь в такое же кресло напротив. Кресло огромное, я в нём маленькая.

– Что это? – спрашивает он.

– Я пришла просить тебя принять меня в отряд.

Он хмурится, задумавшись на секунду:

– Я не про это тебя спросил, Ёлка.

– Это кристаллы. Всё, что есть у меня и у Пепла. Ты знаешь про Акварина. Мы не можем существовать без лидера. И нам нужна твоя помощь.

Он задумчиво проводит языком изнутри по нижним зубам.

– Ты хочешь меня купить?

Жаба любит богатство, любит, чтобы было чем платить.

– Здесь товар, скорее, мы. Мы продаём себя.

Он отклоняется на мягкую высокую спинку кресла.

– За кого ты меня держишь, Ёлка? Я что, по-твоему, не человек?

Мне становится стыдно. Аква бы поступил мудрее: сначала бы попытался просто договориться. Но я как будто бы боюсь упустить возможность, а потому от тревожности совершаю глупость.

– Мы с тобой не друзья, Жаба. Я не хочу вплетать сюда Кислого, это неправильно, но мне просто больше не к кому идти.

– Поэтому ты решила, что я продаю места в своём отряде? – оскорблённо спрашивает он.

– Извини меня. У меня пропал брат, у отряда – лидер, мы ищем его, а без толку.

– У нас тоже пропал человек, но я даже представить не могу, что делал бы мой отряд, пропади я... И ты права, неправильно сюда сейчас приплетать Кислого, но... ты и Аква были

с ним в самое сложное время. Это говорит мне о многом. Я готов принять тебя и Пепла в свой отряд. Без всей этой мишуры, – он указывает на сумку.

– И Змею!

– Змею... – он потирает подбородок.

– У неё в крови...

– Я знаю. Я не Паук, Ёлка. Но я слышал, что недолюбливаете друг друга...

– Да, но я боюсь, что... что Паук переманит её к себе, а она, правда, беспокоится об Аква.

– Хорошо.

– Но если... если... когда Аква вернётся, мы ведь сможем вернуться к нему?

– Конечно.

– Жаба, спасибо, – я чувствую, как слёзы появляются у меня на глазах.

– Но жить вы будете по правилам моего отряда, и с этих пор я – ваш лидер, и вы слушаетесь меня. То, что было в вашем отряде, как вы жили, меня не интересует. Я не потерплю, чтобы из-за вас мой отряд развалился. Нам тоже тяжело, Ёлка. На Космосе держались почти все наши музыкальные проекты.

– Мы будем делать всё, что ты скажешь. Но мы... не такие как вы.

– Участия в группах и прочем я требовать от вас не буду. Только если сами изъявите желание, но я думаю, что вам сейчас не до творчества.

– А жить мы останемся в своём районе?

– Для тебя это принципиально?

– Мой дом напротив дома Аква. Я просто жду, что он вернётся.

– Хорошо.

Так распадается наш отряд. Пламя, Хрусталь и Лётчик переходят к Календуле. Насколько я знаю, договариваться ходил Лётчик. Он симпатичный, так что я не удивлена, что Календула взяла его и Хрусталь. Не знаю, может, им вдвоём удалось уговорить её принять и Пламя. Когда мы встречаем друг друга, здороваемся, иногда просто киваем головой, иногда перекидываемся парой дежурных фраз. Нас слишком много связывает, и эта связь словно мост висит над пропастью, которая нас теперь разделила. Аква хотел, чтобы мы были семьёй. Мы остаёмся семьёй, только живём теперь по-разному.

Ни я, ни Змея не прекращаем поиски, хоть они теперь и становятся затруднительными. Множественным коллективам Жабы постоянно требуется помощь, а это отнимает драгоценное время. Помощь с костюмами, аппаратурой, переносом вещей, расстановкой, составлением расписаний и прочим. Я знаю, что перечить Жабке нельзя, но, оказываясь в потоке, я чувствую себя поглощённой им. Кажется, я не была на поисках уже неделю.

А потом Змея зовёт меня в Дом Шлюхи. Меня это удивляет, потому что мы ещё не начали исследовать крупные места города, но я соглашаюсь прийти в назначенное время.

За окном поливает дождь, и ждать Змею у входа я не стала, так что вхожу внутрь. За стойкой – немая тень. Чувствую себя неловко. По лестнице спускается Шлюха с каким-то чемоданчиком в руке.

– А вот и ты, Ёлка! – Шлюха улыбается, будто моё появление заставило кого-то ждать.

– Я жду Змею, она...

– Знаю-знаю, – Шлюха ставит чемоданчик на стойку, похлопывая по нему. – Это ей от тебя.

– Что это?

– Кровь.

Я открываю чемоданчик и вижу в нём около полулитра крови.

– Зачем мне её кровь?

– Не тебе, а Пауку.

Это вызывает во мне негодование. Зачем Змея отдаёт ему свою кровь?

- Какого чёрта? – захопываю крышку.
- Ёлка, не сердись, – бледная Змея стоит наверху лестницы, держась за перила обеими руками. – Это плата за безопасное пребывание в его районе.
- Ты разговаривала с Пауком?
- Четыреста миллилитров не так уж много, а для *него* мне не жалко.
- Он явно дурит тебя! Если он так просто согласился, значит, Аква у него нет.
- Или он этого не знает. Или он его спрятал и уверен, что мы его не найдём, – она спускается по лестнице. – Он даёт мне двадцать четыре часа с момента передачи крови. Двадцать четыре часа в его районе.
- Сутки – это мало!
- Это лучше, чем ничего. Я потом сдам кровь ещё.
- Надо было это обсудить со мной. Нельзя доверять Пауку. Какие условия он выдвинул?
- Один человек, двадцать четыре часа, полная безопасность.
- Ты не пойдёшь, – я хватаю чемоданчик и прижимаю к груди.
- Нет, я должна! Я позвала тебя не за тем, чтобы ты меня отчитывала или отговаривала, – тон её речи меняется. – Я позвала тебя, чтобы ты знала, где меня искать и с кого спрашивать, если я не вернусь. Потому что Паук есть Паук. И я понимаю риски.
- Я иду. Ты безрассудна, поступаешь необдуманно, я тебе не позволю просрать эти двадцать четыре часа.
- Паук запугивает, но он не дурак. Я сказала ему, что предупрежу других. Я не думаю, что это опасно.
- А я думаю. Шлюха, дай ей что-нибудь поесть и...
- Я буду ждать тебя у третьего дома от границы района Паука, – перебивает меня Змея. Я злюсь на неё. Впрочем, она знала, чем купить его. И он повёлся. Но верить Пауку...
- На встречу с ним мы приходим вдвоём. Он удивляется, когда Змея говорит, что в Паучье Логово пойду я. Впрочем, ему всё равно. Он говорит, что время пошло и не ручается за то, что будет, когда оно кончится.
- Я приступаю к поискам.
- С вечера льёт дождь. Это те самые осенние дожди, после которых понимаешь, что тепла ждать не стоит, что будет становиться только холоднее, что будешь мёрзнуть в квартирах, пока не появится отопление, мокнуть на улице и только надеяться на тепло.
- Сыро, мёрзло, пасмурно. Дома в Паучьем Логове высокие, тонкие, как спички. Конечно, времени на всё не хватит. Времени никогда не бывает достаточно. Потому что его мы придумываем себе сами.
- Ночью дождь успокаивается, уже не поливает так активно, но и не прекращается совсем. Завывает пробирающий до костей ветер. Захожу внутрь очередного пустого дома и поднимаюсь. Слышу, что кто-то спускается вниз. Да, Паук обещал безопасность, но нужно иметь и свою голову на плечах. Прячусь, прижавшись к стене у лифта, и осторожно выглядываю, когда некто в чёрном проходит мимо, не замечая меня. Но даже в ночи я узнаю фигуру, и имя само срысывается с моих уст, не давая мне даже времени подумать, стоит ли его называть:
- Мрак?
- Фигура останавливается и оборачивается.
- Что ты тут делаешь? – удивляюсь я.
- Да, это она.
- Кажется, то же, что и ты, Ёлка, – после длительной паузы отвечает мне она. Я понимаю, что меня она почти не видит, и выхожу к ней. – Ищу кое-кого.
- Ты ищешь Аква? – удивляюсь я. Это неожиданно и странно.
- Не только его.
- Мы немного молчим.

- Теряем время, – она разворачивается, но я чуть сбегая по ступенькам и говорю:
- Ты теперь с Пауком?

Меня не волнует этот вопрос. Если она ответит «да», это будет предательством всех нас, всего отряда, а особенно Аква. Но... разве мы лучше? Мы, решившие распасться, чтобы спасти?

Мрак усмехается:

- Я всегда одна.
- Ну да...

Она спускается дальше.

- Ты нашла что-нибудь? – спрашиваю я.

Мы будто встретились на перекрёстке дорог, будто мы давно разошлись и вот встретились. И мы знаем обе, что мы ищем, и знаем, что можем помочь друг другу, но поиски будем вести по отдельности, потому что её путь не совпадает с моим, а лишь пересекается.

- Ты только мешаешь, – она не останавливается.

- Хотя что-нибудь! – отчаянно произношу я.

Замирает. Молчит.

- Ничего. А ты? – она даже не поворачивается ко мне.

- И я ничего, – тихо отвечаю ей.

Подхожу. Она всегда всех сторонится, но она всё-таки имеет маломальское отношение к Аква и к отряду, это то единственное, что сближает нас. И она ищет его. Почему-то.

- Как ты сюда пробралась? – спрашиваю её.

Я вдруг понимаю, что совсем ничего о ней не знаю, а мы ведь знакомы не первый год. Я знаю о ней только то, что знают все: она пьёт и ходит на ходки. Никогда не приходила на ходки пьяной. Но где она живёт? В каком районе? Чем живёт? Чем занимается в свободное от ходок время? Почему её привёл Аква? Как они познакомились?

– В Логово? – она пожимает плечами. Мы стоим на ступеньках и смотрим в выбитое окно, за окном капает дождь, на нас дует ветер. – Как и ты. Просто пришла.

- Паук знает, что я здесь.

- В смысле? – она смотрит на меня.

- Змея дала ему свою кровь, чтобы я могла пробыть здесь двадцать четыре часа.

Она снова усмехается:

- Умно. Паук не знает, что я здесь, – она вздыхает. – Давай не будем терять время.

Пока мы спускаемся к выходу, дождь снаружи вдруг вытаскивает из моей памяти эпизод, связанный с ней.

– Ты как-то блевала... по пьяни. Пепел подошёл к тебе... но мы в итоге оставили тебя одну. Не надо было. Извини.

Она непонимающе смотрит на меня:

- Я этого не помню.

Мы стоим у выхода под козырьком. Мрак начинает показывать мне рукой:

– Отсюда досюда – ничего, я обошла. В эти кварталы не суйся, они жилые. Паук, конечно, впустил тебя, но рисковать не стоит, – она говорит так уверенно и буднично, будто уже давно здесь ходит. Может, она всё-таки врёт и перешла к Пауку? – Я иду вон туда. А ты можешь пойти туда.

- Хорошо. Мрак, ты скажешь мне, если найдёшь что-то?

- Сегодня или вообще?

- Вообще.

Она немного думает.

- Ладно. Тогда и ты тоже.

– Хорошо. Почему ты ищешь Аква? – через паузу спрашиваю я, понимая, что другой возможности задать этот вопрос у меня уже не будет.

Мрак долго смотрит на меня.

– Удачи в поисках, Ёлка!

И она уходит в ночь. Я иду туда, куда она указал мне. Она явно не хочет пересекаться и работать вместе. Я чувствую от этого облегчение. Она мне не понятна, и я сомневаюсь, что она ищет Аква и кого-то ещё по доброте душевной, и я не верю, что она готова сообщить мне о чём-то, что может пролить свет на его исчезновение. Это как встретить знакомого и сказать ему: «надо бы выпить как-нибудь вместе», зная, что вы никогда не предпримете попыток к этому.

Отчего-то после этой встречи я чувствую, как тяжелы мои руки. Они опускаются. Его ищут несколько человек, во многих районах, но всё безрезультатно. Голову пронзает мысль – и одновременно с ней из кожи прорастает очередная иголка: мы его никогда не найдём. Я сажусь на ступеньку внутри дома и начинаю плакать. Это похоже на то, как мы отчаянно пытались спасти Кислого, верили в успех, теряли всякую надежду, и в итоге он умер. Наши усилия неизмеримо малы перед тем, что творит жизнь. Иногда мы сами закапываем себя всё глубже и глубже, думая, что спасаемся, но в результате раним себя только больше.

Я вытираю слёзы, выдыхаю и иду исследовать местность дальше.

Я знаю, что за сегодня я ничего не найду.

Змея ждёт меня в условленном месте. Она приносит мне термос с горячим сладким чаем и бутерброды с сыром, которые когда-то были горячими. Я говорю ей о пустых результатах и молча ем.

Светает.

Я голодна, это правда, но ем я не из-за голода, а только чтобы выказать свою благодарность за принесённую еду, хотя я бы хотела сейчас просто отправиться домой, спать. Мы сидим на лавочке под выключенным фонарём. Рассвет давит своим новым началом.

– У нас с тобой общее горе, – говорит Змея. – И мне очень жаль, что именно оно сближает нас, но я рада, что нас с тобой хоть что-то сближает.

Это задевает меня. Я не хочу, чтобы мы сближались. Я хочу, чтобы у нас не было ничего общего.

– Нет, Змея, горе у нас разное: ты потеряла парня и можешь найти другого, а я потеряла брата.

Я допиваю чай, благодарю её и ухожу. Больше мы вместе на поиски не ходим.

Вернувшись домой, я впервые за всё это время выключаю свет в той самой комнате, окна которой выходят на его дом. Это будто мой крик, бессловесный, немой крик. Может, он как-нибудь услышит его, заметит отсутствие света в моём окне, сжалится надо мной и вернётся. Это то, во что я сейчас готова верить.

Свет из его окна бессовестно горит.

Жизнь давит на меня своей нескончаемостью: мелкие заботы, расстановка приоритетов, ночь меняет день, день – ночь. Жизнь будто кричит мне в ухо: «смотри, как прекрасен мир!», но исчезновение брата ослепило меня, и я ничего не вижу. Чувства не исчезают, не притупляются, они оседают на дно, уходят на задний план, а на передний не выходит ничего.

Годы идут, и мы справляемся сами, как можем. Я хожу к Шлюхе втайне от Пепла. Шлюха выделяет мне тень, и пока та высасывает из меня то, что грузом ежедневно скапливается у меня на сердце, как осадок после химической реакции утреннего ритуала пробуждения, я выдёргиваю из себя иглы. Тонкие струйки крови бегут по моим рукам, а в кулаке я сжимаю иглы. Никто не делает нам больнее, чем мы сами.

Я боюсь отпустить Аква... Я боюсь, что он вернётся, если я его отпущу, а если не отпущу, то не вернётся. Мысли о том, жив он или мёртв, в порядке или нет, здесь или где-то ещё, пре-

вращаются в рутинные, как выпить чашку кофе с утра. Я их будто не замечаю даже, но они всегда во мне. Надежда подобно яду убивает, но, вооружившись незнанием, делает это мучительно медленно.

Может быть, смерть – это не худшее, что происходит. Когда умер Кислый, всё было понятно. Может быть, тогда это было не так кристально ясно, ибо эмоции как туман окутывали меня, но смерть – это конечная точка, и ты всегда знаешь, что из мёртвых не возвращаются. Аква пропал, исчез, и это совсем другое.

Зимним днём я подхожу к сторожке Художника. Я не была здесь, кажется, целую жизнь. Я смотрю на бетонные блоки забора, такие большие и тяжёлые, как граница между смертью и жизнью. Там, за ними, лежит Кислый, и я знаю это.

Дверь сторожки открывается.

– Чего тебе? – старик в растянутом синем свитере и тапочках на босу ногу щурит глаза.

– Здравствуй, Художник, – подхожу к нему ближе, оставляя на снегу следы.

– Опять к своему пришла?

Я тыльной стороной ладони провожу по губам, нервничая:

– У меня к тебе просьба. Вырой, пожалуйста, могилу. Для Акварина.

Художник тут же меняется в лице, выпрямляется, насколько ему это позволяет старость:

– Нашли?

Я отрицательно мотаю головой.

– Тогда зачем это?

Слёзы льются. Мне хочется, чтобы он сейчас обнял меня. Этот старик, от которого несёт потом, копотью и спиртом.

Наверное, он мне откажет. Он не любит, когда к нему приходят.

– Его нет, его нет. А я не могу ждать.

Он смотрит на меня исподлобья, сердито:

– Вырою я могилу! – отмахивается и уходит. – Нехорошо это.

На той кассете, что мне давно дала Смог, и правда записи песни. Записи плохие. Такое ощущение, будто кто-то хотел записать репетиционный процесс, не песни, а то, как это всё проходит. Много остановок из-за неправильных нот или ещё чего-то. Но в конце голос Кислого:

– Всё, давайте уже есть. Убирайте инструменты!

– Давайте помогу, – тут же раздаётся голос Аква. – Куда ставить?

– Сюда ставь.

Запись обрывается.

– Всё, давайте уже есть. Убирайте инструменты!

– Давайте помогу. Куда ставить?

– Сюда ставь.

– Всё, давайте уже есть. Убирайте инструменты!

– Давайте помогу. Куда ставить?

– Сюда ставь.

– Всё, давайте уже есть. Убирайте инструменты!

– Давайте помогу. Куда ставить?

– Сюда ставь.

– Всё, давайте уже есть. Убирайте инструменты!

– Давайте помогу. Куда ставить?

– Сюда ставь.

В его квартире пыльно. Из стен прорастают самородки. Я стою в дверях его комнаты, из окна которого вижу своё окно. Свет освещает его матрац, на котором она спал, и остальные предметы его жизни. Моя боль, свернувшись в клубок, греется под этим искусственным светом.

Если у него всё хорошо, если у меня всё хорошо, то в наших комнатах горит свет. Свой я выключила давно. Моя рука тянется к его выключателю. Я не знаю, что чувствую. Я прощаюсь со своим братом, с его комнатой, с его голосом, с его улыбкой...

Я выключаю свет.

• Лампабикт – Боль

Я Космос. И мне нравится моё имя. Потому что оно, как и музыка, всеобъемлюще. И я всеобъемлющ.

Быть хорошим человеком просто. Это значит не совершать дурных поступков. Дурной поступок – это когда от твоего поступка кто-то страдает. Кажется, всё понятно. Всё просто. Я за то, чтобы помогать тем, кто нуждается, просто потому что, пожалуй, именно это делает меня человеком. Быть с тем, кто в тебе нуждается, не оставлять его в трудную минуту, протянуть ему руку помощи и подставить своё плечо... Это ведь несложно?

Или нет?

• Måneskin – Zitti e buoni

Мне везёт. По жизни. Я знаю, что я везунчик, но стараюсь этим не злоупотреблять. Кто знает, может, существует лимит везения, а я черпаю его вёдрами?

Мне везёт, потому что за горизонтом – как они его называют – меня находит Аквамарин. Конечно, изначально я скептически отношусь к нему, но позже я убеждаюсь, что это действительно было большое везение. Аквамарину присуща ответственность, да и к тому же никто не ходит за горизонт, а он пошёл, и, получается, спас меня. Горизонт – очень унылое место. *И без Аквамарина меня бы тут не было.*

Мне везёт попасть в команду Жабы. Я испытывал чувство долга перед Аквамарином за то, что он вывел меня в город, но мне не хотелось попасть в его отряд. Я даже этого побаивался. Но я не могу объяснить, почему именно. Он вроде хороший парень, безусловно, со своими тараканами в голове. Ну, а кто без них? Но я, видя его, будто испытываю стыд, неловкость за своё пребывание здесь. Звучит ужасно глупо и надуманно, но я не могу себе этого объяснить.

Не всё в этом мире можно объяснить, как бы нам этого ни хотелось.

Мне везёт попасть в команду Жабы и раскрыть свой музыкальный потенциал. Я оказываюсь нужным всем, всюду. А это чертовски приятно творческому человеку. И, не скрою, тешит моё творческое эго. Сыграть на скрипке – пожалуйста! Соло на гитаре? Вот он я! Барабанная партия? Дайте мне две палочки, и я покажу вам, на что я способен. Душа моя больше лежит к гитаре. И когда я остаюсь один, пишу песни и музыку. Вот в такие моменты я чувствую себя по-настоящему счастливым, по-настоящему причастным к этому городу. В такие моменты я становлюсь истинным собой.

Мне везёт побывать у Хирурга. Он помогает мне с адаптацией, готовит меня к городу. К сожалению, ему не удаётся выявить мою особенность. По его словам, она у меня должна быть. Но, может, музыка и есть моя особенность? По-моему, этого вполне достаточно, чтобы почувствовать себя особенным. Хирург даёт мне имя Космос, потому что мои глаза иногда становятся абсолютно чёрными и будто со звёздами внутри, если меня коснуться. Он это записывает в тетрадь, помеченную моим именем. Возможно, это моя особенность. Жаль, что я не могу увидеть себя со стороны. Странно ли смотреть в мои глаза?

Мне везёт побывать у Хирурга и познакомиться со Змеёй. Мы с ней быстро находим общий язык, будто *давно знаем друг друга*. Я развлекаю её музыкой, мы играем в настольные игры и танцуем. Без неё у Хирурга было бы тухло.

Мне везёт познакомиться с Художником. Старик ворчлив, но это если не проявлять к нему должного внимания. Все мы таем от доброго отношения, как снег под солнцем, превращаясь в живительную воду. Иногда он даже рассказывает о городе, о домах и прочем. Так мы со Змеёй узнаём историю о Кислороде.

К сожалению, я с ним уже никогда не познакомлюсь. Ещё больше о нём я узнаю в отряде Жабы. О нём мало говорят, мало вспоминают вслух, не потому, что забыли, а потому, что воспоминания о нём ещё отдаются болью. Мне кажется, мы бы с ним хорошо сдружились. *Он был так же талантлив в танцах, как и я в музыке.* Но жизнь есть жизнь, и иногда она не может свести двух людей вместе по своим, непонятным человеку обстоятельствам.

Жаба говорит, что у всего есть цена и за всё нужно платить. Он говорит, что мой музыкальный талант дорогого стоит, поэтому я не должен бездельничать. Талант не равно результат. Я участвую везде, во всех музыкальных проектах, группах, где-то заменяю кого-то на концертах, где-то становлюсь постоянным исполнителем... Но у меня чувство, что я на шаг позади их всех. Мой талант отмечают, но не выдвигают его вперёд, будто я ещё не заслужил главной роли. Что ж, может и так. Ведь я в отряде недавно, нужно время, чтобы выйти на первый план. Не так ли?

Всё, что меня окружает, – музыка. Мне нравится в ней растворяться, чувствовать себя краской на кончике кисти, где рука – музыка, она ведёт меня по бумаге, она управляет мной, а не наоборот. Но иногда мне хочется чего-то другого, более острого. И я попадаю в капкан азарта.

Сначала Жаба приводит меня на бои, но они меня только отталкивают. Потные мужские тела, пытающиеся вырубить друг друга, выбить из соперника человеческое, меня не привлекают. И тогда он отводит меня в Карточную Комнату.

Карточная Комната – это комната в Доме Шлюхи, где собирается отряд Жабы. Не весь, конечно, а только те, кто хочет. Это светлая комната, лишённая зеркальных поверхностей. Большой круглый стол посередине с удобными стульями по кругу. Мини-бар у окна и чистейшие бокалы. Ведёрко со льдом. Закуски. Сигареты и сигары. Каждый должен заплатить Жабке взнос за своё присутствие здесь.

Начинаем с безобидной игры, правила которой я быстро схватываю. Мне везёт. Жаба говорит, что мне везёт, потому что я играю в первый раз. Кот – потому что я дурак.

Так моя жизнь делится на две игры: игру на музыкальных инструментах, в которой я по-настоящему ощущаю себя, и азартную игру, которая открывает во мне что-то иное, глубинное. И, возможно, это глубинное и есть настоящий я. Я не знаю. Но я будто вынырываю из одного озера, чтобы попасть в другое.

На ходках я теперь думаю, как бы раздобыть побольше кристаллов, чтобы игра шла интереснее, а выигрыш был крупнее. Хотя это и неразумно, ведь мне, по сути, эти самородки нужны на малое... Крыша над головой есть, нужна еда, одежда, может, что-то для музыкальных инструментов. *Мне много не надо.* Но во мне будто спрятана какая-то жадность. Нет, жажда. Желание получить больше, сделать крупную ставку и сразиться с самой судьбой.

Кот оказывается прав. Я дурак. Я спускаю крупную сумму и становлюсь должным Жабке. Худшее, что может случиться с тобой в отряде, – это стать должным Жабке.

Но Жабке должны многие. Он ведёт холодный счёт и проценты. В этом плане он непоколебим. Иногда речь идёт о таких заоблачных суммах, что невольно задумываешься, откуда у него самого столько? Представляю, как он сидит у себя в квартире на гряде кристаллов, словно султан. Но я был у него, ничего такого там, конечно, нет.

Жаба даёт мне срок в месяц, так что на ходках я подсознательно подсчитываю, какой в итоге получится выход кристаллов с собранных мною самородков. Я сбиваю руки в кровь, пытаюсь выудить даже крошечные. Долг я возвращаю, но некоторое время исполнять музыку для меня становится проблематично.

Смог советует мне навестить Швею.

Швея делает мне примочки и даёт с собой какую-то мазь.

Мне нравится у Швеи. У неё уютно и тепло. Сразу чувствуется, что эта женщина позаботится обо мне. И есть в ней что-то отдалённо родное, необъяснимо близкое. Она суетится, стучит ящиками, а мне так нравится за этим наблюдать. Создавая в своём доме хаос движений и хаос вещей, она невольно создаёт свою музыку. Наверное, она её не слышит, но я слышу.

Что такое музыка? Всё. Сон на неудобной подушке, дождь с утра, то, как чайники танцуют в чашке, пока я завариваю чай. Во всём есть музыка. И мне нравится, что я могу её слышать.

Нет, я не слышу чего-то особенного, чего не слышат другие. Просто это всё приобретает для меня смысл, свою красоту, которую можно превратить в произведение.

Игроман ли я? В той же степени, пожалуй, что и остальные. Мне нравится азарт. Он задевает в моей душе струны, ранее молчавшие, он играет мной, как на музыкальном инструменте, создавая меня. В игре я чувствую, что часто хожу по краю пропасти: одно неверное движение – и я полечу в бездну. Если я выигрываю, чувствую невероятный прилив сил, но эти силы внутри, эти эмоции от победы не толкают меня к творчеству, напротив, они отдаляют от него. Словно азарт и музыка находятся на двух разных вершинах. Чем выше я взбираюсь по скале азарта, тем дальше от скалы музыки. Но если я падаю со скалы азарта, взбираться на скалу музыки не хочется. Не могу сказать, что подъём на неё сложнее, нет, просто он другой, совсем отличный.

Впрочем, музыка не может исчезнуть из моей жизни, ведь где я только не играю. Я всё ещё нарасхват из-за своего таланта, а талант, как говорится, не пропьёшь, или, как в моём случае, не проиграешь.

Однажды я понимаю, что игра для меня – это выход из реальности. И это странно. Ведь в реальности нет ничего такого, от чего бы мне хотелось уйти, но этот переход в другую реальность мне нравится. Это как проваливаться в сон после тяжёлого дня. Если приснится кошмар и игра выйдет неудачной, то я проснусь, и игра закончится, а если удачной, то я тоже проснусь. Рано или поздно кончается всё.

Однажды ночью после выступления на вечеринке Календулы, о которой я слышал слишком много, чтобы лишиться себя желания знакомиться с падшей девушкой, вместо того, чтобы идти домой и набираться сил, я заруливаю в круглосуточное кафе. Мне нравится бывать одному после выступлений, это помогает мне прочувствовать вновь те эмоции, что я испытывал на сцене. Обычно после концерта мы обсуждаем, как всё прошло, с шутками у входа в здание. Иногда это занимает много времени, когда играем песню в первый раз или что-то типа того. Но после окунаешься в приятное одиночество.

В кафе уже сидят трое. Трое стариков сидят за столом и под водку играют во что-то примитивное вроде дурака. Они пьяны ровно настолько, чтобы сохранять концентрацию и контроль за картами и повышать градус веселья. Сидят они достаточно тихо, что странно, ибо кроме меня и тени в кафе ни души. Словно боятся помешать мне, сидящему за стойкой, но периодически взрываются смехом, который волной проносится по всему кафе, накрывая и меня, невольно заставляя обратить на них внимание. Я то и дело поглядываю на них. Они, конечно, замечают это, но не обращают на меня никакого внимания.

Чёртик во мне шепчет подойти к ним и попроситься сыграть. Я повинуюсь ему, сопротивляясь совсем недолго.

– Доброй ночи, господа! – приветствую я, подходя к ним. – Во что играете?

– Э-э, не, – самый старый из них рукой подвигает к себе карты, будто я пытаюсь их отнять. – С цыплятами не играем.

– Мне двадцать четыре, – возражаю я. – И я умею играть.

Старика разрывает смех, и остальные подхватывают его, даже я, настолько он безобидный и заразительный. Это не злой смех, скорее, просто пьяный.

– Двадцать четыре, говоришь? – старик большим пальцем вытирает уголок рта. – Да я в три раза старше тебя! Ты ещё совсем юнец!

Я развожу руками:

– Я просто подумал, что могу неплохо провести время в вашей дружной компании, но если моя компания вам не по вкусу, не буду мешать.

– Художник, брось! – говорит самый молодой из них, в джинсовом комбинезоне на лямках, а потом обращается ко мне. – Давай, присоединяйся!

– Какая ставка? – уточняю я.

– Сегодня играем не на кристаллы. На водку, – объясняет третий, с серой благородной бородкой. – Кто первый опьянеет так, что сам до дома не дойдёт, тот и проиграл. Проигрываешь партию – пьёшь.

Рассеянно улыбаюсь:

– А я не пью.

– Сейчас он нам ещё условия свои диктовать будет, – сердится Художник. – Ну его нахер!

– Ладно-ладно, завёлся! Садись! – старик с серебристой бородой жестом приглашает меня к ним за столик. – Придумаем что-нибудь. Твоя гитара? – он указывает на стойку, у которой стоит мой инструмент в чехле.

– Моя.

– Ну, сыграешь, значит. Садись!

Я беру гитару, своё *какао* и сажусь к ним, точнее, к самому молодому из них, он пододвигается, чтобы я мог сесть рядом.

– Я отолью, – хмурый Художник встаёт из-за стола и уходит в уборную.

– Не обращай внимания, – говорит старик напротив. – Он с характером, но на самом деле хороший, просто не каждому свою хорошую сторону показывает.

– Да я думаю, что все люди хорошие. Не бывает плохих.

Он добродушно усмехается:

– Кукольных Дел Мастер, – протягивает мне руку.

– Какое интересное имя, – пожимаю.

– Актёр, – третий мужчина тоже протягивает мне руку, и я пожимаю и её.

– Космос.

– Тоже любопытное имечко. Хирург дал?

– Ага.

– Почему, если не секрет?

– Звёзды в глазах.

– Поэтично.

Они смеются. *В их компании я чувствую себя как дома. Будто я в настоящей семье.* Необычное чувство.

Художник возвращается, и мы приступаем к игре. Игра для него не ладится, и он проигрывает, от чего сердится. Пожалуй, его больше всего злит, что он проигрывает мне, хотя я сам находился на грани проигрыша. Он выпивает и сдерживается, я вижу, чтобы не наговорить мне чего-то грубо-обидного.

– Ну, спасибо за партию! – я встаю, не желая мешать своим присутствием.

– Э-э, нет! – Художник хватается за руку, желая остановить, и я чувствую, как проваливаюсь в какую-то бездну. От этого, пожалуй, грубо одёргиваю руку, словно мне неприятно. Но мне не неприятно. Эта пустота напугала меня. – Чё, противен старик? – он скалит пожелтевшие зубы. – А ну, садись, отыгрываться буду!

– Художник, брось! – Кукольных Дел Мастер одёргивает его.

– Я сыграю, – спокойно отвечаю я и сажусь.

Я чувствую, что так сейчас будет правильнее. Я не столько хочу сыграть ещё раз, сколько понять, что со мной только что произошло, что я почувствовал, ведь этому чувству пустоты ничего не предшествовало, я весело проводил время и вдруг...

Мы играем четвером. По стечению обстоятельств я проигрываю, но это мало устраивает Художника.

– Ты поддался мне, – обвиняет он меня. – Так не пойдёт! Давай один на один. Со мной. Зассал?

– Всё было честно, – заступает за меня Актёр. – Мы следили, да ведь, Кукольных Дел Мастер?

– Конечно. И вообще, он проиграл, так что пусть сыграет на гитаре своей.

– Да что он там может! – возражает Художник.

Я озадаченно и растерянно смотрю на Кукольных Дел Мастера, он кивает мне в знак поддержки, а Актёр хлопает по плечу. Я расстёгиваю чехол, извлекаю гитару и прокашливаюсь. Внутри скапливается волнение. Скапливается и волнами расходится по всему телу. Снова скапливается и снова волнами расходится. Оно такое сильное, что я даже немного пугаюсь. Ни разу, выступая на сцене, я не испытывал такого сильного волнения. Почему сейчас?

Я решаюсь сыграть свою песню. Я написал её совсем недавно, и её никто не слышал ещё. Я никогда ещё не делился своими песнями. Может, поэтому душа во мне так волнуется?

Струны гитары обволакивают всё пространство кафе, мой голос, кажется, отражается в стеклянных окнах. На проигрыше, в третьей части песни Художник резко встаёт и выходит на улицу. Я довожу песню до конца как истинный артист и вопросительно смотрю на Кукольных Дел Мастера. Кажется, я снова обидел Художника.

– Отличная песня, – хвалит он меня.

Видю в окне, как Художник закуривает в ночи.

– Рад был познакомиться, – убираю гитару в чехол не слишком торопливо, чтобы это не было похоже на побег. – Завтра тяжёлый день, так что мне пора.

Мыжимаем друг другу руки, и я выхожу из кафе на свежий воздух. Подхожу к Художнику, поправляя на плече лямку от футляра гитары.

– Прости, если я тебя ненароком обидел. У меня и в мыслях не было.

Художник смотрит на луну, зажав сигарету между большим и указательным пальцами. Её горящий кончик будто шлёт привет в небо. Он затягивается.

– Двадцать четыре... Хороший возраст. Вся жизнь у тебя впереди. А я вот свою уже отжил. А как отжил? И не помню даже, – он немного молчит, пару раз затягиваясь. Мне неловко прерывать его молчание, так что молчу вместе с ним. – Бросай игру. В карты. Не играй. Музыка – это твоё. Не проси.

Он бросает сигарету себе под ноги, тушит носком ботинка и возвращается в кафе.

• passmurny – Сердце

Не могу сказать, что бросаю карточные игры из-за того, что какой-то малознакомый старик, у которого я выиграл и которому я потом проиграл, сказал мне это. Но играть я и вправду начинаю реже. Жабба косо смотрит на мои отказы, но ничего не говорит. Что он может сказать? Он никого не принуждает. Но он словно обижается на меня из-за этого. Может, мне так только кажется, но с его подачи я теряю возможность участвовать в некоторых группах. Он говорит, что пытается дать адекватную нагрузку, но я не очень-то верю его словам. Мне хочется уделять творчеству больше времени, и отряд этому во многом способствовал, ведь они заряжены так же, как и я. Это как круговорот: ты и тебе. И чем меньше творчества, чем меньше заслуг, тем меньше я ощущаю своё вдохновение.

Я уже хожу играть в карты не потому, что мне это нравится, а для того, чтобы провести больше времени с людьми, которые могут меня зарядить. Чёрт, это так эгоистично! Но я словно превращаюсь в болото, стоячую воду без всего этого движа.

После партии я чувствую себя веселее, бодрее, но будто часть души вынули и не наполнили новой. Я чувствую, как творчество ускользает от меня, как я становлюсь обычным винтиком в системе концертов. И я начинаю отказываться от новых предложений, от замен в группах. Я просто лежу дома с гитарой в обнимку. Она лежит рядом и как нелюбимая женщина молчит. Я насилую её или она насилует меня? Я пытаюсь наигрывать что-то простенькое, глядя в пустой потолок.

Музыка – это ведь весь окружающий меня мир, почему же я его больше не слышу?

День пустым звоном проходит за днём. Город не бледнеет, но будто теряет смысл. Жаба говорит, что у меня творческий кризис.

– А у тебя он был? – интересуюсь я.

– А то ж!

– И как ты справился?

– Ну, концентрируешься на одном, переключаешься на другое... Я плохой советник, Космо. Но можешь обратиться к Шлюхе. Кризис твой не решит, но поможет, будь уверен.

– К Шлюхе? Как-то звучит не очень.

Он улыбается:

– Это имя громкое, самое то для бизнеса.

К Шлюхе идти мне не хочется, но у меня будто нет иного выбора. То есть выбор есть, но словно на данный момент это единственное средство, которое может мне помочь. Возможно, может мне помочь.

Мы сидим со Шлюхой в маленькой комнате в мягких красных удобных креслах друг напротив друга. Между нами круглый стеклянный столик с чашкой маленьких леденцов в фантиках разных цветов. Шлюха слушает меня, закрыв глаза и повернув голову к окну, откуда льётся дневной свет. Я чувствую себя неловко, оголяя свою душу перед незнакомым мне человеком, чья лысая голова оказывается отвёрнута от меня. Неужели это худое создание способно помочь мне, помочь хоть кому-то?

Выслушав меня, Шлюха открывает глаза, будто после короткого сна, и поворачивает голову ко мне:

– Так чего же ты хочешь?

– Вернуть интерес к музыке. Ну, то есть... интерес у меня есть, а вот средства будто лопнули во мне и разлетелись. Будто всё не то...

– Я не волшебник, Космос, – Шлюха выпрямляется. – Да, я исполняю желания, это так, но я даю то, что у меня просят. Просят травки, я её предоставляю, просят выкачать дурные эмоции, я знаю, как это сделать, накачать приятными – это тоже ко мне. Я не угадываю за клиентов способ достижения их желания. Я продаю способ, а не желание. Хочешь, я накачаю тебя положительными эмоциями? А может, лучше дать тяжёлых? Боль – это двигатель творчества, не так ли?

– Может быть. Но это не совсем то, что мне нужно.

– Так что же тебе нужно?

Потираю подлокотники ладонями:

– Я не знаю, – опускаю голову.

– Тогда мы не сработаемся, мне очень жаль, – Шлюха встаёт. – Угощайся конфеткой.

Автоматически тянусь к вазочке, хотя к сладкому не тянет совсем. Скорее, просто жест вежливости за то, что Шлюхе удалось меня хотя бы выслушать. Пока я разворачиваю шуршащий фантик, Шлюха говорит:

– Я не могу дать тебе, что ты хочешь, но я могу дать тебе совет. Ты знаешь Художника?

– Старика, – спрашиваю я, закидывая конфетку в рот. Приятная апельсиновая сладость.

– Он у нас один, – Шлюха улыбается.

– Да, знаком.

Я не понимаю, к чему движется разговор.

– Знаешь, где он живёт?

Я растерянно мотаю головой.

– На кладбище. Знаешь, где это?

Художник живёт на кладбище... Звучит как-то стрёмно, что ли.

– Слышал, – сладкая слюна сбегает по горлу вниз.

– Тебе нужно сходить туда, погулять.

Я немного закашливаюсь и бью себя по груди кулаком.

– Спасибо за совет, но я не любитель мистики.

Шлюха добродушно смеётся:

– Нет-нет, ты меня не понял, малыш. Тебе не нужно на кладбище. Художник и не пустит тебя. Тебе нужно погулять в районе кладбища.

– Зачем?

– Проветрить мысли, освежиться. Перезагрузиться, – Шлюха длинными указательными пальцами обеих рук делает вращательные движения в воздухе.

– Эм... спасибо?

– Это всего лишь совет, – Шлюха широко улыбается, по-лисьи. – Знаешь, не люблю отпускать клиентов пустыми. Но, как определишься, чего хочешь, приходи, мой Дом всегда открыт.

– Спасибо. Ещё раз.

Совет, как его называет Шлюха, звучит странно. Но это моя слабость – доверять людям. Или было что-то в интонации Шлюхи?.. Я доверяю всем, пока меня не убедят в обратном. Этакая детская наивность и взгляд на мир сквозь розовые очки. Так может подумать Жаба или кто-то, кто уже нахлебался в этом городе. Иногда я чувствую себя просто путником, случайно забредшим в этот город. *Будто все мы тут собраны для того, чтобы помогать друг другу, ведь разрушить себя мы можем сами.*

Назавтра солнечный день сменяется серо-дождливым. Таким, когда лучше сидеть дома с чаем и греть ноги под пледом. Я же вываливаюсь на улицу. Если совет Шлюхи просто шутка, так посмеюсь. Если он не сработает, я, по крайней мере, попытаюсь. Ну, а если он поможет... Мне боязно об этом думать. Это как спугнуть музу. Один лёгкий ветерок в другую сторону, и твои струны превращаются в глухонемые натянутые нити.

Сначала я нахожу само кладбище. Унылый бетонный забор уныло смотрит мне в душу. Я бреду вдоль него, но ничего особо занимательного в голову мне не приходит.

Я сворачиваю в ближайший двор.

Двор – это детская площадка, но окружена она не домами, а обломками домов. Огромные бетонные блоки, разбросанные так, будто ими игрался великан-ребёнок, преграждают мне путь, формируя мне заранее свою корявую дорогу. Стены многоэтажек, одиноко смотрящие вдаль десятками пустых окон, стены без окон, дома-коробки, совершенно пустые изнутри, словно тот же великан-ребёнок забыл наполнить их этажами, лестницами и лишил их крыши, чтобы было легче заполнить в будущем. В этом всём, пожалуй, есть своя тоска, тянущая, сквозная.

Может, Шлюха считает, что, если я посмотрю на эту тоску, пойму, что моя тоска не так уж тосклива?

Я заглядываю в пустой дом.

На внутренней стене пустого двухэтажного дома изображён розовый цветок, огромный, тонкий и нежный. Я подхожу ближе и вижу, что весь он состоит из невероятного количества квадратиков размером с клетку в обычной тетради. Квадратики отличаются оттенками, создавая живой эффект. Так необычно, что эта огромная нежность состоит из множества точно выверенных остроконечных геометрических фигур. Кто это сделал? Художник? Может, поэтому его так зовут?

Кажется, Шлюха знает, о чём говорит. Мне хочется верить, что здесь есть ещё что-то подобное. Я обхожу ещё несколько пустых сооружений, но ничего не нахожу. Тогда я возвращаюсь к цветку. Сажусь на бетонный блок. Уходящее солнце греет спину. В последних вспыхнувших лучах цветок кажется ещё более живым и сказочным. Краска поблёскивает, и даже пыль не мешает ей. А когда солнце садится и город укутывается в сумерки, кончики лепестков словно тускнеют, как когда цветок начинает засыхать в вазе.

Просто огромный цветок, а я будто только что прожил его жизнь.

Чувствую, как холодеют пальцы. Встаю в темноте и понимаю, что замёрз сам. Я возвращаюсь к Шлюхе.

– Я видел! – вываливаю я.

– Что именно? – Шлюха пьёт горячий дразнящий чай и, заметив мою продроглость, протягивает чашку мне. Я тут же хватаюсь за неё двумя руками, и приятное тепло, переливаясь по моему телу, передёргивает меня. Пара капель проливается из кружки. Шлюха затирает их тонким указательным пальцем.

– Изображение. Там, у кладбища. Кто это нарисовал?

– Ты видел только одну?

– Их несколько? Я искал, но не нашёл другие. Где я могу ещё посмотреть?

– По всему городу. Они спрятаны то тут, то там. Правда, спрятаны, будто таинственный художник не хочет, чтобы его творения кто-то видел.

– Так это нарисовал Художник?

– Я не знаю автора. Автор скрытен. Даже подписи не оставляет, а это непорядок.

– Но ты не можешь не знать, кто это.

Шлюха самодовольно улыбается и, постукивая пальцами, говорит:

– Я знаю, что это человек. Может, кто-то из Жабьих рисует?

– Ну, у нас есть те, кто балуется, но...

– Там будто что-то другое, да?

– Да, – киваю.

– Я, правда, Космос, не знаю, кто это. Разве это так важно?

– Я хочу познакомиться с ним. Или с ней.

Шлюха пожимает плечами.

– Где ещё я могу найти работы?

Шлюха улыбается той самой улыбкой, которая говорит о том, что с этого момента разговор приобретает исключительно деловой характер:

– Теперь ты пришёл за информацией, которую я могу тебе предоставить. Кристаллы на стол, Космос. Это будет нашей сделкой.

С этой минуты я начинаю ступать по следам призрака. Я ищу его работы, которые трогают меня, работы человека, живущего в пределах этого города. Кто это? Это может быть кто угодно. Даже Шлюха. В этой настенной живописи одного человека, что скрывается и скрывает, за которым мне приходится гнаться, как за уезжающим поездом, есть особая трещина, надлом, из которого растут все его цветы, лучи, кометы... Этот безымянный автор не рисует город, он рисует то, что спрятано в нём самом. Может, потому работы и не подписаны, что автор не хочет, чтобы кто-то знал, что творится у него внутри.

Ожидание того, что я увижу на неброской стене, скрытой иными стенами, будоражит меня всякий раз, как я отправляюсь на очередную точку, заботливо отмеченную Шлюхой красным карандашом на карте. Я долго не могу понять, что конкретно ловлю. Иногда откладываю очередной поход, чтобы не перенасытиться, чтобы наполниться тем, что уже есть, сполна.

В спрятанных изображениях, ускользающих от несведущего взгляда, я бегу за музыкой. Той самой, которую растерял. Мне всё кажется, что я вот-вот поймаю её за руку, посажу рядом и мы вместе напишем такую музыку, которая не оставит никого равнодушным. Но муза равнодушна к моим поискам её. И когда Шлюха говорит, что в городе появилась новая работа неизвестного автора, я теряю всякую надежду на встречу. Может, автор не хочет знать меня? Но как же так? Искусство должно быть замечено, хотя бы одним, иначе оно теряет всякий смысл.

За время этих многочисленных вылазок я успеваю сдружиться со Шлюхой. Шлюха, конечно, за плату, позволяет мне репетировать одному в специально оборудованной под меня комнате. Я не делаю этого на студии, которую создал Жаба. Во мне селится глупый страх, что

жабы могут спугнуть мои ростки, затоптать одним неверным словом или глупой шуткой, а я так берегу их, что боюсь вытаскивать на всеобщее обозрение. Они ещё слишком слабы. Так что я просто помогаю в чужих проектах, чувствуя всем своим существом, что вот-вот наступит момент, когда моё творчество разорвёт меня изнутри фейерверками, которые нельзя будет не заметить.

Задерживаюсь в Доме Шлюхи допоздна. За окном уже вовсю мне подыгрывает дождь. Возвращаю ключи от комнаты, и Шлюха вежливо приглашает меня на чай. Это всегда помогает мне почувствовать себя желанным гостем в этом Доме, даже несмотря на то, что я плачú за его посещение. Может, Шлюха так относится ко всем? Но меня это не парит, даже если это и так. Провести время в хорошей компании – что может быть лучше?

Шлюха заваривает мятный чай. Знает, как расслабить после долгого дня. За окном раскатиисто подаёт голос гром. Мы сидим в креслах друг напротив друга.

– Не думал писать что-то своё?

– Думал, – улыбаюсь я, глядя в кружу, где пара листочков мяты кружат в безмолвном вальсе, и отмечая про себя проницательность Шлюхи. – Я даже писал, просто...

– Боишься?

– Нет, – я поднимаю взгляд. – Может, в какой-то мере, да... Но, если честно, мне кажется, что я ещё не готов, что всё, что я сейчас пишу, – это лишь подготовка к чему-то большему. Понимаешь?

– Понимаю, – Шлюха делает неторопливый глоток. – За чем ты гонишься, Космо?

– Ни за чем, – растерянно отвечаю я.

– Знаешь, я держу этот Дом уже много лет, несколько десятков. Ко мне приходят по разным причинам, но почти все мои клиенты хотят одного. Догадываешься, чего?

Я пожимаю плечами.

– Быть счастливыми. Но все, кто приходит ко мне, думают, что счастье было либо в прошлом, либо будет в будущем. Например, после моих процедур. Это льстит, не спорю. Но как бы мне ни хотелось думать, что я продаю счастье, я отчётливо понимаю, что даю клиентам лишь передышку. Я не могу сделать их счастливыми, я даю им лишь иллюзию счастья. Вот ты, Космо, приходишь ко мне играть. Это делает тебя счастливым?

– Ну... я исполняю музыку и...

– Нет. Это делает тебя счастливым? – Шлюха выделяет «это». – Чего на самом деле тебе не хватает для счастья? Ведь ты теперь окружён творчеством.

– Признания?

– Ты спрашиваешь меня? – Шлюха улыбается. – Признание – это хорошо.

– А что, как ты думаешь, нужно тому, кто рисует на стенах? Признание ему точно не нужно.

– Я не знаю. Я не угадываю мысли. Я неплохо разбираюсь в людях, но человек – это не загадка, это сборник загадок, ответы в которых постоянно меняются. Я могу ошибаться, но я думаю, что тебе и тому, кто рисует на стенах, нужно одно и то же.

– Что?

Шлюха пожимает плечом и делает глоток. За окном вспыхивает молния.

Когда я собираюсь уходить, Шлюха бросает взгляд в окно:

– Поливает... Уверен, что хочешь промокнуть? Могу предложить остаться.

– На сегодня я больше не твой клиент.

– Не хочешь побыть гостем?

Я теряюсь. Это выглядит странно со стороны Шлюхи. Стать гостем... Будто в этом какой-то нездоровый интерес, что ли. Но Шлюха всегда ведёт себя вежливо и ничего такого...

– Я откажусь, спасибо, – пытаюсь не выдать своё смятение.

Шлюха всё понимает и улыбается:

– Не думай ничего такого. Мне нравится с тобой общаться. Ты другой, открытый, немного наивный. В Доме бывало всякое. Вокруг меня только тени да клиенты. Ты как новое дыхание для меня. Мне будет приятно, если ты будешь заглядывать иногда, будем пить чай и обсуждать всякое...

– Л-ладно...

Неловкость не пропадает. А просьба делает меня грустным. Я касаюсь голого плеча Шлюхи, чтобы как-то подбодрить, чувствуя вину за свой отказ, и вдруг ощущаю, как тонкая нить рвётся в полотне моей души и вытягивается из него. Меня пронзает такая тонкая печаль...

– Тебе говорили, что в твоих глазах звёзды? – Шлюха смотрит на меня.

– Это моя особенность.

Шлюха улыбается. Улыбается, как всегда, и только сейчас я понимаю, что искусно созданная маска настолько идеальна, что даже глаза едва ли выдают тоску, но я чувствую, что на самом деле происходит внутри этого тонкого создания. Это пугает и завораживает одновременно.

Шлюха убирает мою руку.

Накинув капюшон, заворачиваю за Дом Шлюхи. Поливает знатно. Я всё ещё не могу отойти от прочувствованного. Хотелось ли мне видеть Шлюху в таком состоянии, или я правда ощутил нечто глубинное? Если это так, то моя особенность совсем в ином. Стоит ли мне рассказать об этом Хирургу или лучше разобраться самому? И зачем я нужен Шлюхе? Мне всегда думалось, что Шлюхе нужны клиенты, а оказывается, нужны люди. Человек. Друг. Мы так просто забываем, что окружающие тоже всего лишь люди.

Я никогда не задумывался, есть ли у Шлюхи друзья. Наверное, это невыносимо сложно – быть окружённым людьми, давать им то, чего они хотят, но при этом оставаться одиноким.

Шлюха – это просто человек, по-своему, раненая птица.

Мимолётный взгляд влево – и я замечаю тёмную фигуру напротив стены. Между нами метров тридцать. Фигура под дождём хаотично движется у стены, размашисто, то приближаясь, то отдаляясь от неё, и я не сразу понимаю, что фигура рисует. Как только эта мысль молнией пронзает меня, меня передёргивает. Это тот самый таинственный художник.

Фигура поворачивается в мою сторону, и я понимаю, что человек меня видит. Доля секунды – и я, поддаваясь неведомому страху, разворачиваюсь и скрываюсь за углом. Так глупо! Но я прячусь за стеной, чтобы она меня не увидела. Нет, я не боюсь фигуру. Я будто только что своим нелепым присутствием нарушил что-то святое, тайное, личное. Я слышу шаги. Выглядываю из-за угла и вижу, как фигура проносится мимо, не замечая меня. Во всём чёрном, худая, достаточно высокая. Кто это? Похоже на кого-то из мух. Но чтобы муха...

Я выхожу из своего укрытия и приближаюсь к стене. Я так и думал. Работа не окончена, я всё испортил. Как я мог? Замечаю сумку с баллончиками краски в ней. Беру один. Страстное желание добавить немного себя в изображение, но я не поддаюсь этому чувству. У стены лежит ещё один баллончик, брошенный. Кладу его в сумку. Надеюсь, что фигура вернётся.

Дождь льёт, а я стою и мокну, ожидая встречи с тем, кого так долго искал. Очень волнуюсь. Сердце стучит в ушах. Мои кроссовки уже промокли, и я шмыгаю носом.

Ладно, я эту кашу заварил, мне и расхлёбывать. Что-нибудь придумаю, не зря же голова на плечах. Беру его сумку и бегу обратно к Шлюхе.

Взбегаю, нет, взлетаю по ступеням, тяну на себя тяжёлую входную дверь Дома и врываюсь в пустой холл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.